

Александр Смирнов

*Спецслужбы
времени*

Александр Смирнов

Спецслужбы времени

«Издательские решения»

Смирнов А.

Спецслужбы времени / А. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855178-9

Никто и не предполагал, что первое путешествие, организованное в прошлое, принесет сюрпризы. Вроде и нужно было перепрятать ценности. Да и шло все, как и задумывалось, если бы не одно НО. Среди святынь одного из затопленных в сороковые годы двадцатого века монастырей была обнаружена машина времени. Как и почему она там оказалась? А главное — кому принадлежала? Но для этого полковнику ФСБ Заварзину необходимо изучить таинственный блокнот, обнаруженный все в тех же ценностях.

ISBN 978-5-44-855178-9

© Смирнов А.

© Издательские решения

Содержание

Щукин	6
Федерал	31
Интерлюдия – 1	31
Глава – 1. Подмена	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Спецслужбы времени

Александр Смирнов

© Александр Смирнов, 2017

ISBN 978-5-4485-5178-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор выражает свою благодарность всем участникам форума «В вихре времен» (www.mahrov.4bb.ru) за активную помощь в шлифовке произведения, а в частности Собре и Мифу.

Щукин

Тот, кто управляет прошлым, управляет будущим. Тот, кто управляет настоящим, управляет прошлым.
Джордж Оруэлл

2006 год. Подмосковье.

Сотрудник госбезопасности – Геннадий Заварзин сидел за столом и пристально вглядывался в глаз своего тестя, словно пытался того загипнотизировать. Семен Федорович Щукин пытался проткнуть вилкой грибочек, но тот, зараза, выскальзывал, и даже не пытался смотреть на зятя.

– Честно сказать, Семен Федорович, – проговорил Геннадий, – я вас не узнаю. Вы сильно изменились. Причем пока не пойму в лучшую ли сторону. Где? Где ваша прежняя страсть к авантюрам? Где тот вор, что еще недавно мог, не моргнув и глазом обворовать музей, банк или даже, кто вас знает Семен Федорович, возможно и Форт-Нокс? Где тот искатель приключений, с которым меня несколько лет назад, познакомила ваша дочь? Стоило было предложить простенькое дело, которое и гроша-то ломанного не стоит, а вы тут же в отказ пошли...

– Вот именно ДЕЛО, – перебил его Щукин. Стукнул ладонью по столу, так что тарелочка, на которой лежал злосчастный гриб, подпрыгнула. – Дело! А я, ведь завязал. Причем сделал это по вашей милости. Навыки, что были – пропали, да и возраст. Мне уже – полтинник. Да еще ты, дочь и внук...

– Вот ради внука и прошу, – взмолился офицер.

– Внука, – вздохнул бывший вор, – вот ради него и не желаю. А, если не получится? Я же подставляю тебя. Ты и так каким-то чудом удержался в органах. Тебя из ФСБ могли погнать уже только за то, что твой тесть – вор. А если прознают!

Геннадий потянулся к бутылке водки. Наполнил граненые стаканы. Он уже почувствовал, что в душе Семен Федорович готов был пуститься во все тяжкие, но невидимые оковы его удерживали. Оставалось только еще чуть-чуть надавить и тесть согласится.

– Не прознают. – Произнес Заварзин, – Да и дело, которое я вам предлагаю, на половину курируется спецслужбой.

– Хотите из меня Джеймса Бонда сделать?

– Да нет. На 007 вы как-то не тянете.

– Вот и я о том.

– Но на исследователя, испытателя...

– Хотите запихнуть меня в ракету и отправить к Марсу, – пошутил Семен Федорович.

– Согласитесь – расскажу, не согласитесь...

– Понимаю, – кивнул Щукин. – Тогда хоть в общих чертах. Надеюсь это можно?

– Можно. – Геннадий осушил одним глотком стакан с водкой, – Вам всего лишь нужно перепрятать ценности из одного места в другое.

– Всего-то? Так для этого я вам не нужен, найдите кого-нибудь помоложе...

Разговор вдруг начал уходить в сторону. Заварзин взял вилку и ткнул ею в соленый огурчик. Начал его жевать. Закончив, проговорил:

– Другой не подойдет Прибор, – тут Геннадий вынужден был раскрыть карты, – подойдет не для всех. Вы один из немногих. Причем имеющий необходимый мне опыт. Всего-то нужно переложить вещи из одного места другого, откуда я их потом мог бы изъять...

– Просто изъять. У меня?

– Побойтесь бога... У вас отнимешь. Да вы глотку мне перегрызете, – парировал Геннадия, но, увидев выражения тестя, пробормотал, – да шучу я, шучу.

Семен Федорович выпил и произнес:

– Хорошо. Считайте, что я – согласен.

На деле все оказалось гораздо проще, чем предполагал Щукин. Оказалось, зять мечтал заполучить сокровища одного из монастырей, что покоился сейчас под мутными водами Рыбинского водохранилища.

– Так ты предлагаешь мне – старику заняться подводным плаванием? – Перебил Геннадия Семен Федорович и рассмеялся. – Для этого тебе нужен, кто-то помоложе. А, прибор, о котором ты мне говорил, скорее всего – акваланг.

– Я с вами на полном серьезе, а вы, – Заварзин махнул рукой, – я-то о вас был лучшего мнения.

– Стоп, – проговорил Щукин. – Значит так. Либо ты все подробно рассказываешь, либо...

– А я-то что пытаюсь делать! Просто вы, Семен Федорович, меня постоянно перебиваете.

– Хорошо, не буду.

– Так вот никаким плаванием вам не придется заниматься.

– Э вон как. И как же я, по-твоему, попаду в монастырь...

Щукин замолчал, так и не договорив, взглянув на зятя. Казалось, что тот готов был задуть старика.

– Молчу, – прошептал Семен Федорович.

Все началось в конце лета тысяча девятьсот двадцать седьмого года, когда отборные дивизии губернского ОГПУ начали осаждать обитель Югской Дорофеевой пустыни. Откуда-то прошел слух, что монахи за ее стенами прятали очень дорогие драгоценности. Для рядовых сотрудников ГПУ довели информацию, дескать, иноки мешают в этих краях становлению Советской власти.

После трех дневной осады, монастырь пал. Ворвавшиеся на ее территорию чекисты вырезали почти всех монахов, за исключением двоих. Тех сначала отправили в Рыбинск. Там иноки были подвержены допросу, ведь вовремя обыска обители сокровища так и не обнаружили, и лишь после того, как ничего выяснить у них не удалось – расстреляны.

Так после осады монастыря, по мнению чекистов, пропало: несколько рукописных книг, датированных не то шестнадцатым, не то семнадцатым веком, золотые кресты и подсвечники, а также несколько икон, среди которых была икона Тихвинской Божьей Матери.

Среди участников штурма был прадед Геннадия Заварзина – Михаил. Именно он, когда умирал, рассказал историю монастыря своему внуку (отцу Геннадия). Старый чекист считал, что в тот момент, когда он нажал на курок, его протоирей монастыря – проклял.

Старик так же поведал, что через год, после тех событий прошел слух – якобы под территорией Югской Дорофеевой пустыни было несметное количество подземных ходов, некоторые из которых во время осады были взорваны монахами. Геннадий Заварзин считал, что прадед был недалек от истины. По его мнению, именно в одном из ходов сокровища и были спрятаны.

К такому же мнению склонялись, в конце двадцатых годов, и археологи. Те под патронажем Лаврентия Бериі пытались найти столь дорогой клад.

Увы, безрезультатно. Тайна сокровищ монастыря и их местонахождение, так и осталось тайной.

– Ну, и пусть себе лежат под гладью водохранилища, – проговорил Семен Федорович, тебе-то какой прок от них?

– А вот это уже вторая часть истории, – проговорил Заварзин.

– Вторая? А я думал это все...

Геннадий сердито взглянул на тестя, и бывший вор понял, что сейчас лучше не шутить.

Итак, в самом начале восьмидесятых годов, когда страсти революционные улеглись, и страна вступила в эпоху застоя, Михаил Заварзин – от рака легких умер.

За несколько дней до смерти тот позвал к своей кровати сына Сергея и внука. Рассказал, как участвовал в штурме монастыря и в расстреле монахов. Упомянул он и то, что проклял монах, всех участников казни. Пообещав, что те умрут от тяжелой неизлечимой болезни. Последней же просьбой Михаила Заварзина было – найти спрятанные сокровища затопленного монастыря и вернуть их церкви.

– В противном случае, – добавил тогда старик, – весь наш род Заварзиных будет проклят. Он еще, что-то хотел сказать, но так и не смог.

Следующим умер дед Геннадия, и тоже от рака легких. Скончался и отец.

Верящий в сверхъестественное, Геннадий поклялся найти сокровища. Единственной проблемой до последних дней было то, что он не знал, как очутиться в затопленном монастыре.

– Вот и я говорю, – произнес Семен Федорович, когда зять замолчал, – и как я, по-твоему, окажусь в затопленном монастыре?

– Вы, Семен Федорович, когда-нибудь слышали о машине времени?

– А, ты что конкретно Геннадий имеешь в виду: рок-группу или книгу Герберта Уэллса?

Заварзин наполнил стакан на четверть водкой, и выпил одним глотком. Закусил огурчиком и взглянув пристально на Щукина.

– Я имею в виду прибор способный отправлять человека в прошлое. – Он на секунду замолчал, и произнес, – у меня есть такая машина.

– Машина времени? – переспросил Щукин, вспомнив произведение Герберта Уэллса. Что-то ему не верилось, что такая штукавина может существовать в реальности.

– Типа того, – подытожил Геннадий, – видите ли, Семен Федорович, в секретных лабораториях уже давно проводятся исследования по теории перемещения во времени. Мы сами понимаем, заботимся о безопасности государства, а для поддержания стабильности в стране любые средства хороши... ФСБ, конечно же, не собирается менять историю. Так как глупо. Можно что-нибудь важное нарушить, а там глядишь, мир скатится в какую-нибудь пропасть.

О том, что пока ничего серьезного у спецслужб не получалось, Заварзин умолчал. Было несколько удачных перемещений из будущего в прошлое и обратно. Попытки попасть в грядущее не увенчались успехом. Плюс ко всему не каждый человек обладал возможностью путешествию во времени. Щукин был одним из немногих, кто обладал этим даром.

– Вы отправитесь в прошлое, Семен Федорович, не менять историю. Осаду монастыря и расстрел монахов не предотвратить. Забрать же сокровища из-под самого носа ОГПУ и припрятать в другом месте не так и опасно. Я имею в виду для истории. Ведь сокровища выпали из нее волей случай с того самого момента, как был захвачен монастырь. О них говорили, знали, но никто их не видел и не держал в руках. На ход истории ни косвенно, ни тем паче напрямую они не влияли. Главное, когда вы будете в прошлом, не участвовать в активных действиях, способных на что-то повлиять.

– Это я понимаю. Но, посудите сами, Гена, я могу, например, взять сокровища себе и скрыться в любом из времен...

– Вы, это не сделаете. Так как у меня есть гарантия, что вернетесь. Семья. Кроме того, есть еще одна причина, о которой я хотел бы пока умолчать.

– Что за причина? – спросил Щукин.

– Э, нет. Об этой причине я вам скажу, когда вы вернетесь.

Семен Федорович лишь хмыкнул носом и насупился. Раз не хочет говорить, решил он, – не надо. Во всем остальном же Заварзин был прав. Бывший вор вздохнул и посмотрел в окно.

Там на улице в окружении ребятни бегал его внучек Ленька. Хулиганистый, что даже не понять то ли он в него такой пошел, то ли в Геннадия.

Внук единственный, любимый. Ради него в любую авантюру влезешь.

– Мне же хочется вернуть драгоценности церкви, – продолжал его зять, – или вы думаете, что я – майор ФСБ, преследую корыстные цели?

– Конечно же, – возмутился бывший вор, – я бы мог так подумать. – Тут Семен Федорович прикинулся наивным, делая вид, что верит в слова зятя, – на твое счастье, что я тебя знаю, Геннадий, как самого себя. Ты не отличаешься корыстью, иначе давно бы завяз в коррупции. Да и ты, как мне память не изменяет, – тут Щукин улыбнулся, – человек чести. Ты уж скорее с себя последнюю рубашку снимешь, чем что-то возьмешь. Эх, было бы больше таких служителей фемиды как ты, – тут бывший вор вздохнул, – мир был бы совсем другим. Ты меня, так, скажем – спас. Из омута вытянул.

Последнее Семен Федорович сказал, скорее всего, чтобы польстить родственнику. Если не единственная дочь – в гробу он его видел бы.

Несколько лет назад, еще до знакомства с будущим зятем, был Семен Федорович – профессиональным вором. Его – так ни разу бы и не взяли, если бы не обыкновенная случайность.

Надо было угораздить. Елена, его родная дочь, она тогда институт заканчивала, (будь оно не ладное) влюбилась. Голову от страсти потеряла. Молодого человека звали – Гена Заварзин. Был он на пару лет старше его дочери, и считался женихом перспективным. Семену Федоровичу он не приглянулся, но после уговоров единственного чада, согласие дал. Эх, знал бы тогда, чем обернется – подумал. Заварзин, во-первых, был потомственный чекист, а во-вторых, почему-то именно он занимался его делом. Однажды, будучи в гостях у Щукина, Заварзин приметил у того одну антикварную вещичку. Находилась она в розыске. Долго тогда Геннадий не мог вспомнить, где ее уже видел. Озарение пришло ночью. На следующий день перелистал дело, что вел.

Вот и тогда сидели они (точно также на кухне малометражной квартиры) и разговаривали. Хотя, правильнее сказать, Геннадий отчитывал Щукина, как ребенка. Семен Федорович слушал, кивал. А в голове только одна мысль – бежать. Да, вот только какой смысл. От себя не убежишь. Неожиданно для Заварзина, Щукин не выдержал и заплакал. Взрослый мужик – и ревел. Семен Федорович вдруг подумал о дочке. Как же она в глаза людей будет смотреть? От них не утаить, что ее отец – вор.

– Об этом раньше нужно было думать, – проговорил Геннадий, – помните ведь пословицу: «Сколько веревочке не виться, а конец будет».

Щукин кивнул.

– Может мне с повинной прийти. Или уехать куда? Ведь узнают в ФСБ, что твой тесть вор – выгонят из органов.

– А, может, не выгонят. Тут нужно с умом подойти. Главное, чтобы о вашем задержании ни слова в прессу не просочилось.

Предложил Заварзин все вернуть. Поклялся, что если и состоится суд, то будет он – закрытый. Неизвестно, какими способами, но слово он сдержал.

Когда же состоялся суд (Щукину дали год условно), руководитель Геннадия полковник Кузнецов, пригласил бывшего вора на Лубянку консультантом. Таких профи в воровском деле, как Семен Федорович, еще поискать надо.

– Хорошо, – согласился, наконец, Щукин, – так и быть ввяжусь я в твое дело. Но, почему именно я? Неужели в ФСБ нет способных людей?

– Почему же – есть. Правда, одних я в свои планы посвящать не хочу, сами знаете почему, а другие просто не наделены тем интеллектом, который нужен в таком деликатном деле.

Геннадий умолчал, что прибор, названный в лаборатории МВ-1, имел один маленький недостаток. Причины этого понять не могли, но ясно было одно – для путешествия в прошлое требовались определенные люди, в категорию которых и угодил Щукин. А уж планы и интеллект, были дополнительными условиями, выполнение которых было обязательно. И к тому же Заварзин доверял Семену Федоровичу.

Щукину пришлось согласиться с доводами зятя. Проводя семинары в Академии, Семен Федорович насмотрелся на контингент, попадавший в органы. Сейчас туда редко шли служить «по зову сердца». Не удивительно, что оборотней в погонах еще хватало.

Неожиданно у Щукина промелькнула мысль, а не перешел ли его зять в эту категорию?

Не верилось, что существует машина времени, но выбирать не приходилось.

– Так и быть, уговорил! – повторил Семен Федорович, – Так, когда и куда?

– В смысле? – переспросил вдруг зять, словно не поняв, о чем говорит тесть.

– Ну, где этот твой монастырь? Я не время имею в виду, а место. Ну, где он находился?

– Сейчас он под водой.

– Ну, это и ежу ясно.

– А в конце двадцатых годов двадцатого века он находился посередине между Рыбинском и Мологой.

То, что когда-то существовал город Молога, Семен Федорович знал. Основанный в тринадцатом веке, он теперь имел еще одно название – Русская Атлантида.

– Понятно. А поподробнее о монастыре рассказать можешь? Что он из себя представлял?

– Это Югская Дорофеева пустынь, основанная в семнадцатом веке. Сам монастырь представлял собой – правильный четырехугольник, посреди которого, на широкой открытой площади, возвышался увенчанный пятью, да, да – пятью куполами каменный собор. – Заварзин задумался, посмотрел на тестя, – вроде имя носил, дай Бог вспомнить. Увы, не помню. На юго-восточном и северо-восточном углах квадрата – две церкви, вот их названия я хорошо помню, – собор святого Николая и Молчанской Богоматери. К Никольской церкви примыкает небольшая – Успенская. На юго-западных и северо-западных углах две трехэтажные башенки. В них кельи и кладовые. По северной стороне обители – двухэтажный больничный корпус с амбулаторией, трапеза и кельи. Вне обители располагались три каменные гостиницы для приезжающих богомольцев. В начале двадцатого года, ровно год, здесь была колония для трудных подростков.

– Беспризорников что ли?

– Ага, их. Рядом школа, баня, амбар, конный двор, кузница и монастырский сад. Вот вроде и все. А дальше одни тайны, сообщить о которых, даже тебе Семен Федорович, я не имею права.

– Это еще почему?

– Потому, что и сам не знаю. – Признался Геннадий. – Вот будешь там, и появится шанс. Скажу лишь одно, что во время археологических раскопок, что велись на территории монастыря, там находилась сначала колония для несовершеннолетних, а уж затем, как раз перед самым затоплением – «Волгострой». О том, что монахи из пустоши застрелены народом не сообщалось.

– Любопытно, – молвил Семен Федорович, – любопытно. Ладно, этого мне пока – достаточно. А теперь давай рассказывай, как я в прошлое попаду?

Гена наклонился, приоткрыл дипломат, что стоял все время с момента их встречи, у его ног. Достал оттуда маленькую черную коробочку. Протянул ее Щукину. Тот несколько минут разглядывал.

– Вот с помощью этой вещички и можно путешествовать, – сказал Заварзин, – вводишь координаты времени. День месяц, год, время суток. Нажимаешь кнопочку и бах ты уже в прошлом, ну или в будущем.

- А дату, какую? – спросил вдруг Семен Федорович.
- В смысле?
- Я имею в виду, по какому летоисчислению. От сотворения мира? От Рождества Христова? Или по мусульманскому календарю?
- А, вы об этом, – вздохнул облегченно зять. – Конечно же, от Рождества Христова.
- Ну, тогда второй вопрос. А по какому календарю? Григорианскому или Юлианскому?
- А мы сейчас по какому календарю живем? – вопросом на вопрос ответил Заварзин. Щукин вдруг расхохотался.
- Знаешь ты мне вдруг, – проговорил он, – Чапаева в исполнении Бабочкина напомнил. Вы, за какой интернационал? А в том, котором Ленин. Григорианский сейчас календарь, Григорианский.
- Ну, вот даты согласно ему и вводят.
- Ладно, разъяснил. То есть получается, я сейчас просто введу нужную дату и тут же окажусь в монастыре?
- Если бы все так просто было Семен Федорович, – вздохнул Заварзин, – Чтобы оказаться в определенном месте, с начало нужно туда добраться.
- Эвон как, – молвил Щукин и покачал головой, – а я-то думал все куда проще. М-да.
- Понимаете, Семен Федорович, если бы было все так просто, то сейчас бы для ФСБ просто не существовало ни каких тайн. Секреты ФБР, ЦРУ, МИ-6 стали бы доступны. Достаточно было бы приехать в Лондон. Переместиться у здания Скотланд-Ярда в прошлое, ну, скажем в эпоху древнего Рима или Египта. Сделать несколько шагов, чтобы оказаться на месте будущего здания и вновь вернуться в будущее. Да вот только существует одна загвоздка. Можно не рассчитать и оказаться вмурованным в стену. Поэтому и стоит совершать переходы на открытой местности. Ну, а если возникнет необходимость совершить прыжок в прошлое в помещении, то тут нужно быть на сто процентов быть уверенным, что в тот период, куда отправляешься, не было перепланировки.
- Понятно, – остановил его Семен Федорович, – я-то думал, что все так просто, а оно видишь, как все закручено. Ладно, больше не объясняй, для меня все равно это полный бред. Все равно не пойму до конца. Я вон компьютер с трудом освоил, а тут куда более сложные технологии. Теперь говори, когда начнем операцию. Когда выезжаем и куда?
- Послезавтра, я уже все приготовил. В район города Рыбинска. Там есть одно тихое место для перехода.
- Великолепно! – Воскликнул Щукин, понимая, что у него появилась возможность, увидеть местность совершенно иной, чем сейчас.

2006 год. Южный берег Рыбинского водохранилища.

Через два дня, после разговора на кухне, Семен Щукин вместо того, чтобы отмечать свой пятидесятилетний юбилей, медленно прогуливался по берегу водохранилища, и бросал в воду камушки.

– Вы так всю рыбу распугаете, – неожиданно произнес Гена, все время сидевший во внедорожнике, – хватит дурака валять, Семен Федорович. Вы бы для начала переоделись.

И Заварзин, открыв багажник, извлек оттуда старомодный чемодан, в котором оказалась одежда. Модного покроя костюм в полоску, такой фасон до революции популярен был. Фуражка, потрепанная с оторванной кокардой, на месте которой было черное пятно. Сапоги. Белая рубашка, расшитая красным рисунком.

– Не густо, – проговорил Щукин, понимая, что приключения, скорее всего, начнутся летом.

– Вы, Семен Федорович, – видя взгляд тестя, проговорил Геннадий, – отправляетесь в август тысяча девятьсот двадцать седьмого года. Когда окажетесь в те времена, попытайтесь добраться до монастыря. А чтобы вам это было легче сделать, – тут, он полез в карман пиджака, и достал оттуда сложенный лист бумаги, – вот вам карта окрестностей.

На листке был изображен район, находившийся сейчас под водой. На нем были изображены несколько деревень, город и четыре монастыря. В верхнем левом углу была надпись Ярославская губерния и год «1925».

Лишь после того, как переоделся Шукин взял карту из рук зятя. Свернул ее аккуратно и положил во внутренний карман пиджака. Затем обнял Геннадия.

Отошел несколько шагов и, помахав на прощание рукой, мало ли что случится, нажал на устройстве маленькую, почти не заметную кнопку.

Август 1927 года. В районе города Рыбинска.

Первый день в прошлом.

Было раннее утро.

Он стоял на холме, который гордо возвышался над зелеными поименными лугами, простиравшимися до леса, и смотрел в голубое, с белыми облачками, небо. Там в вышине гордо парил сокол. Где-то справа от человека, в лесочке, который в будущем беспощадно будет вырублен, о чем-то жалостливо и тоскливо пела птица.

– Э-ге-ге! – прокричал Семен Федорович Шукин, и как подросток бегом спустился с холма.

Остановился, наклонился, сорвал травинку. Поднес ее к глазам и минут пять разглядывал, пытаясь понять, как изменилась природа за последние годы. Потом, выкинув ее, сделал глубокий вдох. Чуть не стало дурно, от этого чистого, хрустального, не загрязненного дымами воздуха. Закашлял. Пахло медом, цветами, росой и коровьим навозом. Сейчас даже запах последнего не показался ему неприятным. Семен Федорович вдруг вздохнул тяжело. Ему вдруг подумалось, что для многих навоз он и в прошлом навоз, от которого просто хочется воротить нос.

– Словно лет двадцать скинул, – прошептал Шукин, и пробираясь сквозь высокую траву направился в направлении дороги, что приметил с холма.

Уже на месте, он достал из кармана брюк компас, карту. Попытался определить, где находится.

– Двигаться нужно на северо-запад, – произнес Семен Федорович. Спрятал все по карманам и медленно побрел по тропе, насвистывая незатейливый мотив.

Приблизительно через полчаса, его нагнала телега, запряженная пегой лошадейкой. Шукин остановился, чтобы пропустить ее вперед, да заодно полюбоваться. Крестьянин, что управлял повозкой, был ему ровесником. По внешнему виду и не определить из кулаков он или середняков, но, то, что не из бедноты, в этом Семен Федорович был уверен. Одет мужичок – в белую рубаху, коричневые брюки, заправленные в поношенные сапоги, местами покрытыми грязью. На голове, надвинутый на глаза картуз.

– Тпрууу, – произнес крестьянин и остановил телегу. Оглядев, Семен Федоровича с ног до головы, причем сделал он это так тщательно, что у Шукина мурашки пробежали по спине, мужичок усмехнулся и спросил:

– Кто таков? Отколь и куда, путь держишь?

– Семен Федорович Костомаров, – проговорил путешественник и, подумав, добавил, – бывший дворянин, а теперь, – он махнул рукой, – бродяга. Иду с Крыма в родной город Мологу.

– Что-то я тебя батенька не припомню в Мологе – то...

– Так, я без малого тридцать годков – провел в столице. Служил самодержцу и отечеству.

– Так ты, наверное, поди – из господ офицеров?

– Из них самых, – кивнул Шукин, вспомнив о тех нескольких годах, когда, будучи еще мальцом, не смышленным, провел в суворовском училище.

– За красных, небось, в Гражданскую воевал? – поинтересовался крестьянин, словно это имело какое-то значение.

– И за них тоже. Сначала с немцами воевал, после революции к Кутепову примкнул... А когда увидел, что он с русским народом делает, – тут Семен Федорович решил придерживаться негативного отношения к генералу, – к красным ушел. А сейчас, вот хочу городок свой посетить, да в монастырь какой-нибудь податься. Грехи замаливать.

– Много грехов-то?

– Много, очень много.

– Так сначала может в монастырь, а потом, когда устроишься в город. Сейчас у новой-то власти религия не в чести. Не иначе, как опиумом называют. Лет так несколько назад помнится, громили обители. Да, что это я. Ты садись. Я как раз в монастырь еду. В Югскую Дорофееву пустошь. Для игумена письмо везу от сестры. Она сейчас в Рыбинске проживает.

– Знакомое название, – проговорил Семен Федорович, – слышал я, закрыт он. Даже в газете читал, что лет пять назад, разогнали оттуда всех иноков.

– Было такое, – согласился крестьянин, – разогнали. Да только свято место пусто не бывает. Засели в том монастыре сначала белогвардейцы, но и им уйти пришлось. А уж потом туда опять монахи вернулись. Года так четыре назад

– А белогвардейцы, что же монастырь то не разворовали?

– Так ведь, они же все благородные. Может, у кого и рука на сокровища не поднялась. Ну, – тут крестьянин сделал паузу, словно решая говорить или нет, – монах среди них был. Он-то все и сберег. Ну, ладно заболтался я. Если поедешь со мной залезай не телегу.

– Поеду, – проговорил Шукин, запрыгивая, да так, что повозка от этого скрипнула, и даже немного просела.

– Ты уж поосторожнее, Семен Федорович, – проговорил мужичок, – чай не бричка. Небось, в бричке привык ездить...

– Бывало. – Слукавил Шукин.

Ехали они медленно. Дорогой Егор Тимофеевич, так звали владельца повозки, долго спрашивал Шукина и про Перекоп, и про Ильича, и про Буденного. Даже поинтересовался, видел ли Семен – Врангеля. Кое-как Шукин рассказал все-то, что ему было известно из учебников истории. Признался, что Врангеля не видел, как, правда и Буденного, чем немного огорчил крестьянина.

Ближе к полудню Семен Федорович увидел стены монастыря, возвышавшиеся над пологим берегом реки. Ему вдруг вспомнилось, что несколько лет назад, он проплывал здесь на туристическом теплоходе. Тогда купол, который сейчас блистал позолотой, был ободран, и тоскливо выглядывал из воды.

Неожиданно дорога разделилась. Часть ее продолжала тянуться вдоль берега, другая же свернула к храмам.

Егор Тимофеевич остановил телегу. Ловко спрыгнул на глинистую почву, и подошел к обитым железом мощным монастырским воротам. Постучал, посохом, что лежал рядом с ним всю дорогу.

Монастырь представлял оборонительное сооружение, словно это была не обитель отрекшихся от мирской жизни монахов, а воинская часть, или даже бастион, оберегавший дорогу к городу. Огромные окна сейчас были заделаны кирпичом, не удивительно, что войска ГПУ так долго не могли взять его. Оставалось только убедиться, какой надежной была кладка.

Из-за стены доносилось пение монахов.

Маленькая дверь в воротах со скрипом открылась, и на ее пороге показался полный инок в черной рясе.

– А это ты, Егор, – проговорил он, узнав Тимофеевича.

– Я батюшка.

– А это кто с тобой?

– Семен Федорович Костомаров, – бывший сначала белый офицер, потом красный комдив, – представился Шукин, и поклонился.

Монах сначала поморщился, потом плюнул и перекрестился.

– И зачем пожаловал, сей отрок в нашу обитель? – спросил он, с издевкой.

– Грехи замолить отче. Больно уж много на моих руках крови. И немецкой и нашей русской. Не могу я отче больше жить так, – забормотал Семен Федорович, пытаясь играть более правдоподобно.

– Ну, раз решил грехи замолить, так будь добр зайти. Извини, обильного питания предложить не сможем. Сами вот уже, поди, второй год еле концы с концами сводим.

От удивления, которое возникло, когда Шукин оказался за стенами, Семен чуть не упал. Он перекрестился и вновь вдохнул в себя воздух. Теперь уже воздух монастыря. Такой же чистый, как и тот в поименной низине, правда теперь с запахом ладана и мира.

Несколько монахов слонялись по двору. Мимо пробежал парнишка лет восемнадцати, облаченный в рясу, и скрылся в дверях центрального храма.

– Ты уж, Семен Федорович, – проговорил инок, – не обижайся, но спросить я тебя обязан. Небось, считаешь религию – опиумом?

– Если бы я так считал не пришел бы в храм, – парировал Шукин, – нет что-что, а показаться всегда нужно. Я ведь убивал на войне не ради удовлетворения и низменных чувств. Просто выхода у меня другого не было. Или я, или они.

– Защита отечества от иноземцев это не грех, сын мой, – вздохнул батюшка, – а вот смерть братьев своих христиан, славян – это, пожалуй, большой грех. Но грех этот не твой. Грех это тех, кто религию опиумом именует. Ну, да ладно, ступай в келью.

И увидев озадаченное лицо гостя – улыбнулся. Окриком подозвал мальчонку, что шнырял у ворот, и велел тому отвести путника в келью.

– Яко, любой человек имеет право на отдых, – проговорил он, потом повернулся к Егору Тимофеевичу и спросил:

– Что ты, Егор, привез от сестры игумена?

Тот полез за пазуху и извлек оттуда голубой конверт.

– Так-так, – донесся до Шукина голос монаха.

Парнишка открыл дверь и впустил Семена Федоровича в маленькую келью, предназначенную для одного человека. Закрыл дверь и убежал.

Шукин прислушался к удаляющимся шагам монашка. Оглядев помещение, вздохнул. Представил, что придется провести здесь остатки жизни – стало грустно. Одиочная камера. Убранство простенькое: деревянная кровать, на котором тоненький соломенный матрас, табурет и стол, на котором огарок свечи. В красном углу икона святого. Скорее всего (предположил Семен) – Дорофея. Чтобы не выходить из образа Шукин перекрестился. Подошел к амбразуре. Окно было профессионально заложено красным кирпичом. Причем толщина кладки была полметра.

– Сделано с душой, – проговорил Семен Федорович и подошел к кровати.

Снял пиджак, повесил на спинку. Стянул с опухших ног сапоги (не привык в них ходить) прилег на соломенный матрас. Ему хотелось все обдумать, и хотя у него в запасе была неделя, но откладывать все на последние дни не хотелось.

Во-первых, предстояло решить, где он спрячет ценности. То, что это будет на незатопленной водохранилищем территории, Щукин не сомневался. Но для этого, по мнению Семена Федоровича нужно было вырыть, по крайней мере, землянку или специальную яму. Во-вторых, нужен автомобиль, чтобы перевести ценности на большое расстояние, ведь не на себе же их таскать. Тогда уж точно недели будет мало. Его ему никто не даст, остается одно – угнать. Для Щукина это было не в первой. В-третьих... И тут постучались.

Не дожидаясь разрешения войти, дверь скрипнула и открылась. В проеме стоял монах, что встречал их с Егором Тимофеевичем. Перекрестившись на икону, тот проговорил:

– Отец игумен хочет видеть, Вас, у себя. Мне же велел, Вас, проводить к нему.

Щукин потянулся. Нехотя, словно устал, поднялся с кровати. С трудом, морщась от боли, надел сапоги. Чем вызвал удивление у инок. Накинул пиджак и проговорил:

– Ну, пошли.

Семен Федорович прикрыл дверь кельи и поспешил за монахом, который прибавил шаг, по длинному коридору, мимо монашеских келий, откуда доносились до Щукина то храп, то речитатив молитв.

Они вышли на улицу. Вскоре они оказались у ворот центрального собора. Монах перекрестился (Семен Федорович последовал его примеру) и вошел в небольшую калитку, что была в стороне от главного входа.

В церкви Щукин бывал несколько раз. Один раз заскочил свечку поставить за упокой души безвременно ушедшей супруги, другой раз... Впрочем – не важно. Сейчас он оказался в соборе в пятый раз. Остановился в дверях и замер, пытаясь отыскать глазами настоятеля. Монашек это заметил и произнес:

– Следуйте за мной.

Игумен ждал его в маленькой комнатке, что находилась за иконостасом. Это был дюжий мужчина, лет сорока, неизвестно по каким причинам оказавшийся в монастыре. Телосложение богатыря, а не как уж – не инок. Хотя, подумал Семен Федорович, скорее всего и Пересвят и Осляба были именно такими. Если было бы нужно спрятать сокровища, то игумен мог справиться один. Щукин взглянул на его руки. Да, такими ручищами настоятель запросто мог завалить здорового кабана, если бы тот сдуру выбежал навстречу.

– Мне доложили, что, Вы, хотели бы принять постриг, – проговорил игумен, когда за монахом закрылась дверь.

Семен Федорович вздрогнул. Честно признаться, внешность, голос – произвели на путешественника впечатление. Щукин игумена совсем не таким представлял. Думал, что тот полный будет, но нет, этот скорее на военного походил. Выправка у него была, как у служивого, а когда тот прошелся от одной иконы к другой, Семен Федорович был готов поклясться, что так и было на самом деле.

– Если это единственная возможность замолить те грехи, что я совершил. То да. – Проговорил Щукин.

– Возможность вероятно не единственная, – продолжил батюшка, – да и способов искупить грехи множество. Сейчас, когда власть в стране принадлежит народу – я не могу, Вас, убеждать, а уж тем более уговаривать. Видите ли, сын мой, ходит слух, что церковь собираются окончательно закрыть. Не нужен институт церкви – советской власти, ой, не нужен. Страна катится в пропасть геенны огненной, еще немного и мир погрузится в разврат. И на нашу, не раз страдавшую землю, накатится волна отчуждения. И тогда Бог отвернется от России. И если случится, не дай бог, война, и враг будет стоять на рубежах наших... тот просто не придет к нам на помощь.

Отдавала слегка театральщиной. Семен Федорович чуть не произнес – «Не верю», но сдержался. Кем бы ни был этот человек, до того, как стал настоятелем пустоши, сейчас это уже не было так и важно. Под личиной монаха – скрывался психолог. Хотя, тут Семен Федо-

рович поймал себя на мысли, священник он в чем-то психотерапевт. Лечит людские души, спасает от самоубийств и прочих грехов. Может и в Щукине, тот разглядел чистую душу?

Игумен улыбнулся и вдруг сменил направление разговора, вернувшись в прежнее русло.

– Грех можно искупить и по-другому, – продолжил тот, – Меня вот недавно убеждали, что вы, сын мой, агент ОГПУ. Якобы посланы – узнать о сокровищах монастыря. Клевета это. То, что вы служили, в этом я не сомневаюсь. В Вас нет того, что есть в людях, работающих в милиции или в ГПУ. Ваши глаза. Они не такие, как у большевиков. В них я вижу скорее тоску, чем ненависть.

Он подошел к окну. Посмотрел на монахов занимавшихся делами. Потом оглянулся, прищурил глаз и сказал:

– Поэтому я хочу предложить одно дело, – и, увидев выражение на лице Щукина, добавил, – скоро, скорее всего, через неделю начнется попытка захвата монастыря милицией. До меня дошли сведения, что в Рыбинске уже началась подготовка. Советская власть хочет изъять монастырские ценности. И тем самым пошатнуть устой церкви в государстве.

Он вздохнул, опустил на обтянутый бархатом стул. Закрыв лицо руками. Просидел так минут пять. Облокотился на стол и продолжил:

– Ценностями они называют – кресты, подсвечники... ну, все золотые вещи, что мы используем в богослужении. Попытки уже были, да и этот монастырь, пока не пришли мы с братьями подвергался лет пять назад разорению. Я же хочу предложить вам возглавить оборону монастыря, и этим самым искупить свои грехи. Мог бы и сам, да вот только боюсь, опыта не хватит.

– Но... – начал, было, путешественник, но священник перебил его:

– Убийств не будет. От силы горячее масло, которое мы будем лить не на осаждающих, а перед ними. Не давая подойти близко к стенам. Наша задача просто спрятать ценности в подземельях монастыря. Я понимаю, что монастырь по любому погибнет. Если это уже началось, то ничем и не изменить. От неизбежного не уйдешь. – Монах замолчал, посмотрел в глаза Щукину, и спросил, – Вы готовы, сын мой, нам помочь?

– Я, пожалуй, соглашусь. Но мне бы хотелось съездить в родные места, – проговорил Семен Федорович, – боюсь, что в любом случае осада для меня будет последняя.

Игумен задумался на секунду.

– Хорошо. Я дам вам такую возможность, – молвил он. – Дня вам хватит?

– Вполне.

Было удивительно, что здесь в прошлом его приняли, за человека этой эпохи. Ведь он всего-то перед отправкой пару книжек по истории проштудировал. Хорошо, и то, что в чекисты не записали. Конечно же, архиепископ лукавил на счет его походки, хоть он и служил в суворовском училище, но вряд ли та строевая подготовка, оставила в его действиях такой уж явный след. Единственное, чего опасался сейчас Семен Федорович, это то, что к нему просто могли приставить «хвост» на момент его путешествия в Мологу.

До вечера Семен Федорович гулял по подворью монастыря, изредка прогуливаясь по коридорам монастыря, любуясь через «бойницы» окрестными пейзажами. Монашек составлял ему компанию, иногда поясняя, что есть что.

Восточная сторона обители выходила к реке Молога, от которой строения отделяло небольшое поле, заросшее мелким кустарником. С западной лес, отгороженный пашней, на которой уже колосился овес. На северной – впрочем.

– Вон те разрушенные здания, – пояснил монашек, – три гостиницы для богомольцев, школа. Кирпич пошел на усиление стен монастыря, – тут же оправдался, – сделали это белогвардейцы. Они вообще мечтали превратить обитель в неприступную крепость.

Щукин понимающе кивнул. В лучшем состоянии были баня, амбар, конный двор и кузница. В монастырском саду иноки собирали урожай.

Когда же хождения надоело, Семен Федорович попросил монашка оставить его в одиночестве. Когда тот выполнил просьбу и ушел, то отправился на поиски подземного хода. Щукина поразило, что инок оставил его одного. Путешественник во времени не мог и вообразить, что сможет вот так вот быстро завоевать их доверие в это тяжелое, для них время.

Он обнаружил ход, когда стемнело. Заброшенная, отсыревшая дубовая дверь скрывалась в одном из подвалов восточной части стены. Ни о какой охране выхода монахи и не помышляли. Щукин воспользовался этим и приоткрыл дверь.

Из подземелья ударил сырой затхлый воздух. Пахло мышами и плесенью. Где-то вдали слышалось, как падали капли воды, ударяясь об булыжный пол.

– Мерзость, – произнес Семен Федорович, – и как это монахи собираются прятать свои сокровища. Да они здесь за месяц сгниют. Особенно книги.

Щукин, конечно же, преувеличивал, но не намного. Он как бывший вор, понимал, что иконы в такой сырости потеряют свою первоначальную ценность. Прогулялся до выхода из монастыря. Отметил для себя ориентиры, если придется добираться сюда не из монастыря, и только после этого вернулся в лабиринт.

Семен Федорович чихнул, уже выходя из дверей. Вытер платком нос, огляделся, пытаясь выяснить, не смотрит ли кто за его странным поведением. И только после того, как убедился, что все нормально, отправился в келью.

Второй день в прошлом.

Путру Щукин отыскал Тимофеевича. Крестьянин возился с телегой, запрягал в нее лошаденку. Приметив попутчика, мужичок улыбнулся.

– Не могли бы, Вы, меня, Егор Тимофеевич, в Мологу отвезти?

– В Мологу?

– Ну, да в Мологу, – подтвердил путешественник.

– Э, да вам повезло, Семен Федорович. Это, наверное, совпадение, но настоятель просил меня съездить туда по важным делам. Надолго?

– На день.

– А как же – обратно? Я ведь обратно не скоро вернусь. У меня там и у самого дела.

– Да как-нибудь вот доберусь, или ты считаешь, Егор Тимофеевич, что кроме тебя в стору Рыбинска больше никто не поедет? – сострил Семен Федорович.

– Могут и не ехать.

– Ну, тогда пешочком прогуляюсь. Прогулки, они ведь для здоровья полезны.

– Так ведь далековато...

– Ничего, время у меня есть.

Крестьянин заулыбался.

– Ну, так забирайтесь в телегу.

Пока Щукин усаживался поудобнее, один из монахов отворил ворота. Тимофеевич занял место и проговорил, хлестнув лошаденку:

– Ну, поехали.

Телега тронулась и выехала за пределы монастыря.

Совсем немного не доехали до Мологи, и Семен Федорович попросил Тимофеевича остановить телегу.

– Дальше я как-нибудь сам пешочком прогуляюсь.

Крестьянин понимающе кивнул. Давно в этих краях Костомаров не был – вот и решил пешочком прогуляться. Вспомнить родные с детства места.

Семен Федорович отошел с дороги на обочину и проводил взглядом Егора Тимофеевича. Затем неспешно побрел в сторону города. Остановился только когда увидел небольшой валун. Подошел к нему, дотронулся рукой и ощутил прохладу. Удивительно, вдруг подумал Щукин, а этот валун в будущем будет лежать на дне водохранилища. Снял куртку, кинул ее на камень и присел. Достал из кармана рубашки сигареты и закурил. Если бы не желание закурить, то так бы и ехал на телеге, а так пришлось от комфортной поездки отказаться, ведь не смолить же сигареты. Просто их вид мог вызвать у Тимофеевича недоумение, а курить самокрутку или папиросы не хотелось. Мысленно поблагодарил зятя, за то, что тот заставил выучить старую карту города наизусть. Заодно запомнить адреса и фамилии всех известных в это время людей. Геннадий Заварзин опасался, что если тесть назовет не ту улицу или не того человека, то миссия запросто может провалиться. Тут либо монахи растерзают, как шпиона ОГПУ, либо чекисты, как бывшего белого офицера. А так Семен Федорович мог посреди ночи, если бы его разбудили, ответить на любой вопрос, связанный с Мологой.

Всю эту информацию Заварзин достал в архивах.

Обычный провинциальный городок, каких в начале двадцатого века в Советской России было множество. Это уже потом, после Великой Отечественной Войны, благодаря стараниями Никиты Сергеевича и последующих генеральных секретарей, они начали постепенно местами исчезать. Хотели, как лучше – получилось как всегда.

– Одно – двухэтажная Россия, – прошептал Щукин, разглядывая дома, мимо которых он проходил.

Остановился на несколько минут у особняка, некогда принадлежавшего графу. Долго рассматривал. Теперь – это общежитие. Возле него бегают и суется босоногие ребятишки. Так вот и не определить сразу, во что они играют. Может, в – салки, а может, – в казаки-разбойники?

Постоял, посмотрел и пошел дальше.

Дом купца, банк, маленькая часовенка, а чуть дальше дом в котором заседает горсовет. Далее избы обычных горожан – одноэтажные и двухэтажные с резными ставнями и деревянными заборами. Через дорогу женский Афанасьевский монастырь.

Пару раз Семен Федорович свернул и оказался около пожарной части. Здание выделялось своей, возвышающейся над домами, пожарной каланчой. Щукин вновь остановился, даже присел на лавочку у одной из изб и начал наблюдать. Вокруг старенького «Студебекера», появившегося в этих краях до революции, копошились огнеборцы. Пара человек наполняло водой из колодца бочку, установленную на автомобиле. Один служивый проверял инструмент: пару топоров и несколько багров. Среди суетившихся людей важно и вальяжно, переминаясь с ноги на ногу, стоял упитанный начальник части. Он покуривал самокрутку, и время от времени покрикивал на своих подчиненных.

Щукин поднялся с лавочки и пошел дальше. Миновав несколько кварталов, приметил милицескую часть. Двухэтажный особняк, вероятно принадлежавший некогда купцу, был обнесен металлическим забором, у чугунных ворот стояли два милиционера в новых, но слегка помятых, гимнастерках.

Белая армия, чёрный барон
Снова готовят нам царский трон,
Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильней.¹

¹ «Красная Армия всех сильней» («Белая армия, чёрный барон...») – песня, написанная в годы Гражданской войны композитором Самуилом Покрассом и поэтом Павлом Горинштейном (псевдоним Григорьев).

Донеслось до Семена Федоровича. Шукин остановился и посмотрел в ту сторону, откуда доносилась песня.

По дороге с тазиками, в сторону бани, строем с пением песни, маршировали красноармейцы.

«Интересно, – вдруг подумал Шукин, – а ведь Геннадий ни разу не говорил, откуда родом его прадед. Хотя монах и говорил, что из Рыбинска вот-вот выступят части ОГПУ, но ведь это еще ничего не значит. Руководство могло, для усиления и местных чекистов пригласить».

Он проводил взглядом служивых, и только когда затихло:

Так пусть же Красная
Сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой,
И все должны мы
Неудержимо
Идти в последний смертный бой!

Продолжил свою прогулку по городу. Мимо жилых домов, затем и парка. Остановился у моста, ведущего в зареченскую часть города. Там на другой стороне такие же небольшие домишки и своя пожарная часть. Видно как сияют купола местного храма, в котором местный батюшка, когда-то отпевал прихожан, в независимости от политических взглядов и сословной принадлежности. Там, на том свете, все равны, независимо, кем ты был в земной жизни – православным или коммунистом. Да вот только теперь работы поубавилось. В Советской России отпевать покойничка считается теперь пережитком прошлого, а батюшка попал в немилость.

Семен Федорович минут пять стоял у моста, долго смотрел на ту сторону города, но пойти туда так и не решился. Свернул в парк, где и прогулял до вечера, любуясь деревьями, посаженными каким-то меценатом еще в девятнадцатом веке.

В шестом часу вечера ему наконец-то удалось найти машину, так неосторожно оставленную ее владельцем у частного дома на улице Ленина. Это был старенький «Руссо-Балт» еще до революционной сборки. Стараясь не привлекать внимание прохожих, которых в столь позднее время на улице было не очень много, Семен Федорович осмотрел ее. В кузове лежали две канистры с бензином, лопата и топор. Шукин даже не поверил такому везению.

Он запрыгнул в «фаэтон» и завел. На удивление шум работающего двигателя не вызвал никакой реакции в соседних домах.

– Ну, что ж, видно это судьба, – пробормотал Семен, не веря в везение.

Подождал еще минуту, и лишь только потом поехал прочь из города.

К сожалению, управлять стареньким автомобилем было куда сложнее, чем он мог представить. Руль вращался туговато, а порывы ветра пытались то и дело сорвать с его головы фуражку. Наконец Шукин не выдержал и положил ее на сиденье рядом с собой.

Изрядно намучавшись, он подъехал к тайному выходу из обители. Слава богу, нашел его быстро, по знакомым уже приметам. Вон одинокая березка, вон овражек. Удачное место, чтобы спрятать машину.

Когда выполнил задуманное Семен Федорович, отправился к монастырским воротам.

Уже знакомый монах открыл Шукину дверь и пропустил вовнутрь.

Третий день в прошлом.

Утром следующего дня путешественник приступил к подготовке обороны. Еще раз обошел помещения монастыря, превращенные в неприступные стены, и оглядел окрестности.

Параллельно выбрал направление, в котором он решил спрятать сокровища. Пошехонский район больше всего подходил для его планов. Ехать туда конечно далеко, но зато и места в будущем будут не затоплены.

Самое неожиданным (хоть зять и предупреждал, что у монахов были ружья) для Семена Федоровича, был арсенал, что хранился в небольшом кирпичном домике. Тот стоял в забытом богом уголке обители, куда большая часть монахов и не хаживала. Как объяснил отец Гермоген, когда-то в этом домике жили богомазы, но с началом смуты, те покинули обитель.

– Сейчас, небось, греховные картинки малюют, – проворчал монах, – ну, да бог их простит.

«А ведь оружие, как и подземный ход не охраняются, – отметил про себя Щукин, – либо монахи такие беспечные, либо действительно никому из них, проку от этого нет».

Между тем отец Гермаген, порывлся в глубоком кармане рясы и извлек на свет божий связку ключей. Пару минут перебирал их. Наконец нашел массивный ключ, и вставил его в амбарный замок. Повернул несколько раз, после чего как тот операция была проделана, открыл со скрипом дверь. Пропустил Щукина в комнату.

Семен Федорович чуть не вскрикнул от увиденного. В сыром, наполненном жутким смрадом, воздухе, не смотря на стоящую, на улицы теплую погоду, было холодно. Но, ни это поразило путешественника, а весь тот арсенал оружия: два пулемета марки «Максим», десяток винтовок, что аккуратно прислоненными стоял у стены. Плюс ко всему же посреди три ящика с гранатами. И все это, в отличие от того же замка, было тщательно смазано машинным маслом. Кто содержал это оружие, для Семена Федоровича осталось загадкой. Вполне возможно и монахи. Правда, поручиться в этом Щукин не мог.

Семен Федорович подошел к одной из винтовок. Передернул затвор.

– Патроны? – буркнул он.

– В ящике, – проговорил монах, и показал на три металлических ящика стоявших справа от входа, и на которые Щукин не обратил внимания.

Семен Федорович подошел ящикам и открыл один из них. Там аккуратно, промасленные, лежали патроны. В двух других были пулеметные ленты.

– Этого хватит ненадолго, – проговорил он, закрывая ящики, – дня на два-три. Да и надо брать в расчет интенсивность атак...

– Нам этого будет достаточно, – неожиданно раздался в дверном проеме голос настоятеля монастыря, – нам нужно лишь выиграть время, чтобы спрятать сокровища.

Опираясь на деревянный резной посох, завершавшийся наверху крестом, он только что подошел, и теперь смотрел на Семена Федоровича. Причем делал это так, что у того побежали по всему телу мурашки.

– Увы, но монастырь обречен, – вздохнул священнослужитель, – это против иноземного агрессора, мы способны были бы выстоять. Но... Здесь народ. А против своего народа не пойдешь. Заблудшие чада.

Монах осенил себя знамением.

– Что, верно, то верно, – согласился с ним Щукин. – Что ж, придется раздать оружие монахам. Я надеюсь, они умеют пользоваться?

– Увы – нет. Мы народ мирный, и все время проводим в молитвах.

В словах настоятеля чувствовалась какая-то фальшь. Может быть, монахи и не держали в руках оружие, но вот в том, что священник этого не делал, Семен Федорович не верил. Уж больно смахивал он своим поведением на офицера.

– Что ж, придется учить, – вздохнул Щукин, соображая, что и сам ни разу ни пользовался оружием. Если не считать пневматики, которой он баловался в тире.

Они вышли из помещения, и монах Гермаген закрыл за ними дверь.

– Я соберу иноков на площади перед собором, – проговорил отец Гермаген, кланяясь настоятелю.

– Хорошо. Ступай.

Священник приподнял рясу и почти бегом удалился.

– Ну, и как вам Молога, Семен Федорович? – спросил батюшка, когда тот скрылся за поворотом.

– Город, как город, – улыбнулся Щукин, – да я, в общем-то, его и не помню. Мал я тогда был. Еле дом свой нашел...

– Это не вы малы были сын мой, – перебил его священник, – это просто после революции, город стал меняться. Увы, увыв, не в лучшую сторону. Пропал его купеческий дух. Гольтьба заселила его улицы. Нет, не думайте, что я негативно отношусь к пролетариату или крестьянству. Нет, что вы, Семен Федорович. Просто та рвань, что сейчас втекла в ряды пролетариата, а по-другому я и назвать не могу, – не заслуживает уважения. Это скорее люмпены, алкоголики и тунеядцы. Для них не осталось ничего святого.

Настоятель поклонился и ушел, оставив Щукина одного.

Ближе к обеду собрал отец Михаил монахов на площади перед главным храмом. Их было чуть меньше сотни. Все в черных рясах. Иноки о чем-то громко спорили, и замолкли когда на площадь двое монахов, в сопровождении игумена Михаила и нового обитателя пустоши, выкатили, нагруженную оружием, телегу.

– Братья! – громко воскликнул игумен, – Братья! Настали тяжелые времена. Не думал я, что нам придется взять в руки оружие. Но, увыв! Братья советская власть хочет забрать у нас наши реликвии. Не отдадим братья. Не отдадим. Разбирайте оружие. И молитесь Богу. И пусть нам поможет Он.

Семен Федорович откинул тряпицу, закрывавшую винтовки и стал их выдавать монахам. Те робко подходили к нему, крестились и брали оружие. Так же молча, уходили в сторону и начинали его разглядывать, кто с удивлением, а кто и с восхищением. Вспоминая забытые, еще до монастырской жизни, навыки обращения с ним.

– Да я погляжу, монахи то у вас не из робкого десятка, – проговорил он, обращаясь к отцу Гермагену.

– Не удивительно. Часть из них бывшие дворяне, которым надоела светская жизнь и они ушли в монастырь. А часть, как и вы, после долгих лет службы решило замолить свой грехи.

Пулеметы достались двум молодым монахам. Семен Федорович даже немного расстроился. Придется, скорее всего, объяснять, а он ничего не знает.

«А это щечки», – подумал Щукин, вспомнив, как Петька объяснял Анке устройство пулемета.

Оставалось надеяться, что иноки сами разберутся. Ведь кто-то ведь ухаживал за оружием. А может эти двое?

Когда же винтовки и пулеметы было роздано, Щукин решил расставить их по точкам на стенах. Монахов с пулеметами он поставил на башенках около входа на территорию монастыря. Остальным послушникам указал их места в помещениях обители. После того, когда каждый узнал свое место в будущей обороне, отпустил их трапезничать.

Только под вечер Семен Федорович заметил, что сегодня у монастырских ворот он не видел ни одного нищего. Те куда-то пропали.

Щукин еще около часа провел с настоятелем, а затем под предлогом, что хотел бы отдохнуть удалился к себе в келью, где и проспал около двух часов.

Ночью Семен Федорович проснулся. Оделся, осторожно добрался до подземного входа. Стараясь не шуметь, туннелем вышел к машине. И не зажигая фар, доехал до деревянного моста, ведущего на другой берег Мологи. И только там, оказавшись на территории Пошехонского района, включил фары.

«Здесь в будущем будут ловить рыбу», – подумал он, минуя поля и въезжая в лесок, который был на обеих картах.

Именно здесь могли быть вырыты ямы, оставленные еще древним человеком, а это давало возможность построить землянку в два раза быстрее.

Семен Федорович переместился в завтрашний день и осмотрел местность. Щукин сразу же обнаружил следы своей ночной деятельности. Это была древняя яма, возле которой были аккуратно сложены бревна.

– Теперь осталось только это сделать, – проговорил он и прыгнул в прошлое.

Повесил на ближайшее дерево, один из двух фонарей, что прихватил с собой и вернулся к автомобилю. Достал топор, лопату. Отнес к месту будущей землянки.

Всю ночь, под свет разожженного костра он рубил лес. Складывая бревна возле ямы.

Где-то за час до рассвета Семен Федорович вернулся в монастырь.

Четвертый день в прошлом.

На четвертый день поутру до монастыря дошел слух, что в Мологе, у одного из высокопоставленных начальников угнали автомобиль. Тот его под окнами дома, где встречался с любовницей, оставил. Потом слышал шум завопившегося двигателя, да вот только значения не придал, думая, что ее его шофер в гараж решил отгонять. В машине, как сообщил привезший этот слух Егор Тимофеевич, были лопата и топор. На вопрос Щукина, а зачем они важной персоне они нужны были? Крестьянин ответил:

– Дороги Семен Федорович, дороги. Это ведь не телега. Машина в грязи застрянет, попробуй, сдвинь. А так срубил несколько жердей, бросил под колеса, песочком посыпал, ну, и езжай дальше спокойно.

В девятом часу крестьянин откланялся, сообщив, что собирается отправиться в Рыбинск.

– Надеюсь посетить ваш монастырь еще раз, – проговорил он настоятелю.

– Увы, – вздохнул священник, – боюсь этот ваш приезд сюда последний. У меня плохое предчувствие, что монастырю осталось существовать всего-то несколько дней.

О том, что сюда скоро подойдут внутренние войска, как отметил для себя Щукин, монах промолчал.

Крестьянина проводили. Семен Федорович даже заметил, как облегченно вздохнул настоятель. Вполне вероятно, что тот уже винил себя в том, что втянул в аферу – путешественника. Отказал бы в приюте тому, и Щукину пришлось бы проследовать своей дорогой. Да вот только не отказал, а теперь уже поздно.

Ближе к обеду, впервые за время пребывания в обители, Семену Федоровичу пришлось заняться строевой подготовкой монахов.

Интересно было наблюдать, как заправские военные, маршировали иноки.

–левой, правой, – командовал игумен, разглядывая вновь испеченных бойцов. Потом повернулся к Семену Федоровичу и спросил:

– Выйдут из них солдаты?

Щукин задумался. Долго, пристально всматривался в монахов и, улыбнувшись, ответил:

– Вряд ли. Солдаты из них не получатся. А вот люди способные с оружием в руках отстаивать свои права – да.

Настоятель утверждено кивнул, и, не обращая больше внимания на Семена Федоровича, продолжил тренировать иноков.

После обедни Щукин начал давать уроки стрельбы и метания гранат. Это процедуру он решил совершать с монахами каждый день.

Ночью он вновь совершил вылазку за пределы монастыря.

Восьмой день в прошлом.

Днем учить монахов военному делу, ночью строить землянку. Иногда возвращаясь в монастырь, уже у кельи, когда никого рядом не было, совершал перемещение во времени в прошлое. Причем умудрялся это сделать так, чтобы временной промежуток между его уходом и возвращением был минимальным. Фантастика, одним словом. Тут же падал на кровать и засыпал мертвецким сном, аж до утра. Если бы Семен Федорович проснулся, что было маловероятно, то услышал бы, как к его двери кто-то подходил. И если бы выглянул бы наружу, то заметил себя нажимающего на машине времени кнопку перемещения. Но этого, из-за навалившейся усталости не происходило.

В то же самое время, когда один Семен Федорович, мирно спал в келье, другой продолжал строить землянку. Страшно было представить, что могло бы с ними случиться, если бы они столкнулись в коридоре. Вполне возможно герой просто растворился, как это произошло в одном из голливудских фильмов. Эта мысль неожиданно посетила Щукина, когда он на площади учил монахов навыкам обращения с оружием.

Между тем сутки, благодаря машине времени, у Семена Федоровича были растянуты. За какие-то двадцать четыре часа он успевал прожить еще восемь лишних часов, но зато за это время он успел достроить землянку. Не будь их, в этом Щукин был уверен, он просто не успел бы.

С землянкой пришлось повозиться. Во-первых, укрепить стены, так чтобы потолок не рухнул, в течение восьмидесяти лет, и не завалил сокровища монастыря. Пришлось установить внутри дополнительные колонны. Во-вторых, засыпать потолок сверху землей. Пришлось немного повозиться.

Пока одно радовало Щукина – вряд ли люди Лаврентия Берии будут искать сокровища монастыря в этих краях. Зять рассчитал все верно.

Уже когда работа была закончена, Семен Федорович подумал, что понадобится год, прежде чем холм покроется травой. Теперь оставалось только замаскировать вход в землянку, чтобы детишки, собравшиеся в лес по грибы и ягоды, на него не наткнулись.

Удалось, причем без особых усилий. Для этого пришлось несколько раз совершить прыжки в прошлое, в поисках подходящего камня.

– Как только будут сокровища в тайнике, – проговорил Семен Федорович, вытирая проступивший пот, – запечатаю камнем вход.

Утром, отоспавшись, выходил Семен Федорович за пределы монастыря, затем поднимался на колокольню одного из соборов, и в бинокль оглядывал окрестности. Иногда Щукин задумывался, почему ОГПУ не спешит с выполнением поставленных перед ним задач. Неужели, там не предполагали, что у них мог завестись – «крот», сообщивший о планах захвата Югской Дорофеевой пустоши.

Днем Щукин по-прежнему обучал монахов. Заставляя их перемещаться в коридорах зданий так, чтобы не возникало непредвиденных ситуаций.

Вечером на восьмой день из Рыбинска приехал Егор Тимофеевич. Несмотря на все протесты архиепископа, убедил крестьянина в том, что бы он покинул монастырь, у них ничего не вышло.

– Да, что я не русский что ли, – орал он, размахивая руками, – да, что я не православный, чтобы обитель на разорение антихристам отдать. Дайте мне оружия, и я до последней капли защищать буду.

Пришлось выделить Егору Тимофеевичу келью рядом со Щукиным. Вот тогда облегченно Семен Федорович вздохнул, поняв, что вовремя уложился в строительство землянки.

Девятый день в прошлом.

Щукина разбудил набат. Он протер глаза и вскочил с постели. Оделся и вышел в коридор. Там держала в руках винтовку, уже стоял Егор Тимофеевич. Рубаха вылезла из штанов, ноги босые, борода взлохмачена.

– Началось, – пробормотал крестьянин, который казалось, за последние часы просто постарел. Семен Федорович теперь не сказал бы, глядя на него, что они ровесники. – Скорее к бойницам, – произнес старик.

Щукин покачал головой. Затем посоветовал одеться, дескать, в таком виде смерть принимать зазорно. Крестьянин на секунду задумался, затем посмотрел на рубаху, штаны и босые ноги, тяжело вздохнул.

– Вы правы, Семен Федорович, – согласился он, – ох, как правы.

Вернулся в свою келью. Щукин проводил его взглядом, и направился на монастырский двор.

В бирюзовом утреннем воздухе громко надрывался монастырский колокол. Этот звук, ранее они были совершенно другими, и тот, что звал в молельню, и тот, что призывал к трапезе, пробирал аж до печенок. Семен Федорович осенил себя крестным знаменiem. Вновь бросил взгляд на небо, словно пытаясь рассмотреть там какой-нибудь знак. Но вынужден лишь был проворчать сердито и недовольно. Вместо лика богородицы или еще чего-нибудь сверх естественного там, словно голодные грифы, прилетевшие отвесть человеческого мяса, кружили вороны.

Черный ворон,
Что ж ты вьешься,
Над моею головой...²

Это Щукин произнес вслух. И от слов своих же ему вдруг стало тревожно. То ли набат сыграл какую-то роль, то ли кружащие в небе птицы, но Семен Федорович на секунду задумался, а что будет, если он погибнет? Мало ли как бывает. Случайная пуля, маленький камушек, отколовшийся от монастырской стены, да мало ли еще что. А если он умрет здесь, в не своей эпохе, что будет тогда со всеми там в будущем? Неужели Геннадий этот вариант не предвидел. Хотя зять умолял его не вмешиваться. Но можно ли было предположить, что события затянут Семена Федоровича в водоворот. Теперь Щукину казалось, что по-другому он просто не мог бы поступить.

Мурашки по спине пробежали. Будто ветерком могильным подуло.

– Бред, – проворчал Семен Федорович, направляясь к центральной башне крепости.

Только стоя на колокольне, под сводами деревянного шатра ему, наконец, удалось окинуть взором поляну между рекой и обителью.

Там внизу, на приличном расстоянии, словно орда Тохтамыша, рассредоточились регулярные милицейские части городов Мологи и Рыбинска. Привезенные на четырех грузовиках АМО-Ф-15, в сопровождении легкового автомобиля НАМИ-1, они выстроились в линию в ожидании начала боевых действий. К тому же, двумя колоритными точками выделялись на этом фоне два стареньких броневика, явно прошедшие все тяготы двух последних войн.

«Интересно, и для чего понадобилось все это? – вдруг подумал Щукин, – Достаточно было без предупреждения, и всей этой браваты овладеть монастырем. Или руководителям ОГПУ этого не достаточно, и те решили просто морально надломить дух осажденных. Давая им понять, дескать, что вы с вашим Богом сделаете против нас? М-да».

Его спины коснулась рука, и голос настоятеля произнес:

² «Чёрный ворон» – казачья русская народная песня.

– Началось!

Священник отошел в сторону, достал из небольшого углубления в стене бинокль. Вглядывался минуты две-три, потом молвил, твердым как камень голосом.

– Мне об их появлении доложил дежуривший на колокольне отец Кирилл. И лишь тогда я повелел поднять тревожный набат. Хорошо, что мы были к этому готовы. Хуже если было бы на оборот. Спасибо тебе сестренка, что предупредила. – Он возвел глаза к небу, и вымолвил с грустью в голосе: – и все равно боже, это неожиданно.

Что-то фальшивое было в словах священника. Щукин вдруг заподозрил, что сестренкой, тот мог просто назвать женщину, с которой монах, будучи еще светским человеком или юнцом безусым коротал, холодные вечера.

Между тем настоятель вернул бинокль в нишу. Взглянул на стоявшего у входа на лестницу молодого монаха.

– Брат Иннокентии, собери пару надежных братьев. Пристало время прятать святыни от солдат антихриста, – проговорил священник.

А когда монах скрылся, настоятель повернулся к Щукину, вздохнул, и произнес:

– Пришел ваш час, сын мой, искупить грехи. Старайтесь задержать их, пока мы с братьями исполним свою миссию.

Семен Федорович поклонился, припал к руке святого отца. Тот перекрестил его, и только после этого Щукин попятился к лестнице. Спустились на монастырский двор одновременно. Священник направился к собору, а путешественник к выстроившимся в две шеренги монахам.

Фортуна штука переменчивая, иногда лицом к тебе повернется, иногда спиной. Сейчас она, в лице четырех одаренных иноков, смотрела, улыбаясь на Семена Федоровича. Их прислал отец Гермаген в помощь. Значит, соображал послушник, что поддержка тому не помешает, а раз так выделил Щукин им по одной из сторон монастыря, а сам, сославшись на то, что будет все время перемещаться по территории обители, решил проследить за действиями настоятеля. Ушел сразу же за отцом Гермагеном. Причем сделал это так, чтобы остаться незамеченным.

Между тем, монах приблизился еще к четырем братьям. И уже такой группой направились в сторону арсенала. У самого входа остановились и стали, что-то обсуждать. Затем обошли, здание приблизились к небольшой двери, которую из-за того, что та была покрыта плющом, Семен Федорович до этого не заметил.

Стараясь не создавать шума, Щукин подошел к приоткрытой двери и заглянул вовнутрь.

В маленькой келье стояли ящики из-под артиллерийских снарядов. Их крышки были открыты. Внутри лежали: золотые изделия, книги, иконы. Настоятель суетился вокруг них и говорил монахам, что куда складывать.

«Тяжеловаты для одного будут, – подумал Семен Федорович, – зря на меня Геннадии надеется, упаду, прямо у тайника, черт побери».

Иноки закрыли крышки. Настоятель зажег печь, находившуюся в углу, и поставил на нее старенькую кастрюлю. Вскоре запахло сургучом. Взял в руки кисть, и после того, как вещество стало жидким, стал замазывать им на ящиках щели. Особенно он тщательно проделал эту процедуру с тем, в котором лежали бумажные рукописи и книги.

Когда же все было готово, Семен Федорович отошел от двери. Спрятался. Стал следить за монахами. Четверо иноков, водрузив ящик на плечо, направились в сторону входа в подземные лабиринты.

В темноте сырых ходов в заранее приготовленной комнате они положили их на глиняный пол. Игумен прочитал молитву.

Дальнейшие действия монахов Щукин решил не наблюдать, и так ясно было, что они собирались делать. Вернулся на колокольню.

Между тем, складывалось ощущение, что милиция и не собиралась штурмовать монастырь. Вполне возможно, решил Семен Федорович, у них был приказ прекратить существование обители без жертв. Хотели без лишнего шума овладеть цитаделью, потому как не верилось в то, что монахам хотели дать еще один шанс.

От автомобиля, возле которого толпилась группа людей в кожаных куртках, отделился молодой парень с рупором в руке и направился к воротам обители. В ожидании игумена, которого потребовал, он расхаживал из стороны в сторону, при этом покуривая папироску.

Когда из окон верхнего этажа высунулся настоятель в черной рясе, украшенной золотыми узорами, он кинул папироску на землю и прокричал в серый, сверкающий в лучах солнца рупор:

– Именем Советской власти, требуем оставить монастырь, предварительно сдав все находящиеся на территории ценности, представителям власти! Все ценности, что находятся за стенами монастыря, принадлежат трудовому народу!

– Никогда, – прокричал игумен, – никогда священные реликвии, не попадут в руки солдат антихриста! И если у вас хватит мужества посягнуть на прибежище божьих людей, то можете это сделать. Но каждый, кто ступит на территорию монастыря – будет предан анафеме.

Слова из уст священника прозвучали как-то не естественно. Даже Семен Федорович в этот бред с анафемой не поверил, а уж люди, считавшие себя – атеистами тем более. Но, тем не менее, некоторые милиционеры, интуитивно, осенили себя крестным знамением.

Молодой человек в кожанке взглянул еще раз в сторону монастыря. Выругался, плюнул. Затем наклонился и сорвал травинку. Запихнул ее в рот, словно это был лук-пырей и стал жевать. Вновь плюнул на землю и хитро так усмехнулся. Отсалютовал настоятелю, словно игумен был служивым, развернулся и направился к автомобилю.

Руководители ОГПУ о чем-то посоветовались и направились к зданию школы.

Семен Федорович и не заметил, как возле него возник игумен. Отец Михаил взял в руки бинокль и взглянул на удаляющихся красных командиров.

– Советаться пошли, – сделал вывод он.

– Вполне вероятно, – согласился Щукин, – Интересно о чем?

Священник улыбнулся и ушел. Семен Федорович впервые ощутил себя – дураком.

Как помнится – хорошая мысль, приходит опосля.

Семен Федорович не верил, что руководители ОГПУ поверили в проклятье. Они, скорее всего, проанализировали все возможные варианты осады. Учили, что окна превращены в бойницы, вполне возможно, предположили, что у монахов могло оказаться оружие. Но как бы, то, ни было, но когда совещание закончилось, а оно длилось очень долго, из здания школы вышел тот самый паренек. Пройдя вдоль строя милиционеров, остановился у автомобиля «НАМИ-1», гневно взглянул в сторону монастыря, выругался и забрался в кабину. Дремавший до этого шофер запустил мотор и они, подняв в воздух столб пыли, умчались в сторону Рыбинска.

Минут через пять из школы вышли еще двое. Неспешно они прогулялись монастыря. Причем старший из них, что-то объяснял младшему, показывая то в одну, то в другую сторону. Тот внимательно слушал, потом убежал выполнять приказание.

– Как вы думаете, Семен Федорович? – раздался за спиной Щукина голос отца Германа. – Они сейчас начнут атаку?

– Нет, – проговорил бывший вор, вспоминая рассказ зятя, – сначала они подкатят английский-танк, попытаются прорваться к воротам. А потом, – тут он замялся, надеясь, что не сказал ничего лишнего, – потом если у них не получится, прикатят артиллерию. Так что атака начнется только завтра утром.

Монах удивленно посмотрел на Семена Федоровича. Хотел было поинтересоваться, почему тот так считает? Сдержался. Как-никак Костомаров – военный и знаком, скорее всего, не понаслышке, с методами осады крепостей.

– Ладно, оставим несколько монахов, а сами пойдем служить вечерню...

– Вы не возражаете, если я перед боем вздремну? – спросил Щукин.

– Не возражаю, – ответил за Гермагена игумен Михаил, он вновь поднялся на колокольню.

Беспечность священника поразила путешественника. Семен Федорович вздохнул и посмотрел, как игумен медленно стал спускаться с колокольни по винтовой лестнице. Щукин хотел было последовать за ним, но передумал, решил немного задержаться. Он еще раз посмотрел в бинокль и только после этого спустился на площадь.

Пора было выполнять задание зятя, но для начала стоило бы выспаться чуть-чуть. У самой кельи Щукин встретил Егора Тимофеевича. Тот был разочарован, что штурм не начался.

– Я думал, удастся мне поквитаться с краснопузыми, – вдруг заявил тот, – столько лет ждал повода. Они ведь, гады, сына моего младшенького убили... Может, выпьем перед смертью, – предложил неожиданно тот, вытаскивая из-за пазухи флягу.

– Увольте, Егор Тимофеевич, – проговорил Семен Федорович, – с удовольствием бы, да вот только хочу, чтобы утром голова была свежей. Да и умирать нам рановато, есть у нас еще в этом мире дела.

– Ну, как изволите, – молвил крестьянин, и направился в свою келью.

Ночь опустилась на монастырь. Иноки, кроме тех, что дежурил на стенах, мирно спали в ожидание завтрашнего сражения. На фоне черного неба пролетела, размахивая крыльями, летучая мышь, где-то за стенами в ближайшем лесу прокричал филин, громко и тоскливо.

Похолодало. Милиционеры расположились в неразрешенных за последние годы зданиях за пределами обители.

С колокольни донеслось тихое пение монаха.

Щукин открыл глаза. Минут пять пролежал вот так, прислушиваясь к происходящему. Наконец поднялся с кровати, подошел к единственному окошечку и попытался выглянуть на улицу. У него ничего не получилось.

«Ну, и бог с ним, – подумал он, бросить взгляд на часы, – пора!»

Накинул пиджак на плечи, и, стараясь не шуметь, вышел из кельи. Осторожно пробираясь по двору обители, он то и дело останавливался, чтобы убедиться, что все идет как задумано. Добрался до входа в подземелье и медленно побрел по пустынному коридору. Наконец увидел, впереди, небольшую комнату. Он не удивился бы нисколько, если бы у входа в нее стоял инок с винтовкой, да вот только, та не охранялась.

«Неужели так и оставят, – подумал Щукин, – нехорошо!»

Затем мысленно отругал монахов за беспечность, но, подойдя ближе, Семен Федорович понял, что недооценил затворников. Дверной проем уже стали закладывать кирпичами, положили у самой земли несколько рядов. Тут же стояло корыто и мешок с цементом. Вроде все делалось по уму, но больно медленно. Словно и не стоит за стенами обители враг.

«Хорошо, что дверь внутрь открывается, и не успели монахи начатую работу доделать». – Подумал Семен Федорович, достал из-за пазухи масленку. Он, несколькими каплями смазал петли двери. Постарался ее открыть, и это удалось.

«Не заперто».

Щукин вошел в помещение и втянул в себя воздух. Как и в том домике, где хранилось оружие, тот пах плесенью и сыростью.

– Погибнет все тут, – произнес Семен Федорович, – ой, погибнет. Если не от воды водохранилища, так от этой «загробной» сырости.

Подошел к ящикам, что лежали аккуратно сложенными у стены. Попытался поднять.

– Тяжело, – выдохнул он, – но унести смогу.

Вышел из кельи, и с массивной ношей добрался до потайного выхода из обители. Положил ящик в траву, вернулся за следующим. Такую операцию он проделал восемь раз, после чего вновь вернулся к хранилищу и закрыл дверь.

Где-то поблизости раздались голоса монахов. Среди них он узнал игумена.

– Вы должны замуровать келью к рассвету, – ругал он иноков, – а вы братья работу недоделанной – бросили. Нехорошо! У меня такое чувство, что оборона продлится недолго. Каким бы не был специалистом в военной области Костомаров – монастырь все равно нам не удержать. Так что давайте замуровывайте проход, и постарайтесь это сделать так, чтобы утром во время штурма были на стене! Обитель должны защищать все! От простого монаха – до служки, что недавно пел как соловей в церковном хоре. Да прилежно молился богу.

Не дожидаясь, когда появятся монахи, Семен Федорович, скользнул в проход и скрылся в темноте. Уже подходя к выходу, он услышал, как стучат мастерки.

Часть ящиков Шукин дотащил до машины и погрузил их в кузов, другую часть спрятал недалеко от входа. Затем, включил двигатель и выехал в сторону землянки. Там он сделал свое дело и вернулся на автомобиле к монастырю. Повторил операцию с ящиками, еще раз. Замуровал вход в «хранилище». Уже у стен обители подумал, что стоило бы прыгнуть в будущее и посмотреть, как изменился холм. Можно было бы вернуться в свое время, но Семен Федорович, дал себе слово, что останется с монахами до конца. Да и выспаться хотелось, а зять, он пока сокровища на свет божий из землянки не извлечет, не даст это сделать, а тут какая-никакая кровать.

Проходя мимо тайной комнаты, он заметил, что вход в нее уже замурован. Стена отштукатурена так, что проходящий мимо человек вряд ли догадается, что здесь была когда-то дверь. Если удастся задержать внутренние войска, то скоро это все подсохнет, и тогда трудно будет вообще что-то найти.

Десятый день в прошлом.

Разбудил Шукина Егор Тимофеевич. Удивительно, но после вчерашнего, он был трезв как стеклышко.

– Просыпайтесь, Семен Федорович! – Кричал он, теребя путешественника за плечо, – Посыпайтесь! Начинается!

– Что начинается? – не смог сначала понять Шукин. Из головы вдруг вылетело, что он находится в прошлом. Всю ночь снилась дочь и внучек. – Что началось? – переспросил Семен Федорович.

– Осада началась, – проговорил крестьянин, опускаясь рядом с ним на кровать. – Я думал, может, обойдется... Ан нет.

Сон как рукой сняло. Шукин поднялся с кровати. Надел сапоги, пиджак, но к дверям подходить не стал, а сперва направился к бойнице, через которую с трудом пробивались солнечные лучи. Семен Федорович тяжело вздохнул, взглянул на Егора Тимофеевича и произнес:

– Ну, тогда на стены.

Под стенами подраумевались коридоры жилых помещений монастыря.

Проверив готовность монахов, Шукин вместе с Тимофеевичем поднялся на колокольню.

Пейзаж за стенами обители изменился. Догорали костры. То тут, то там сновали оглушители. Чуть справа от школы стоял небольшой английский танк. Такой машиной можно любые

ворота снести. У Семена Федоровича вдруг промелькнула мысль, как это монахи смогут его остановить? А ведь они это сделают.

– Эх, если у них и руководство толковое, то мы тут и дня не продержимся, – прошептал Семен Федорович, протирая рукой лоб, на котором проступили липкие капли пота.

– Все толковые погибли в гражданскую войну, – молвил Тимофеевич.

«Или погибнут от рук своих же товарищей через десять лет», – подумал Щукин. Вслух же произнес:

– Это хорошо, что они артиллерию с собой не прихватили. Танк, с Божьей помощью, – Семен Федорович решил использовать в своем разговоре такой оборот, – как-нибудь одолеем. Слава богу, у них – пулеметы, а не пушка. Вот если бы у него ствол был, как у Т-34... – Щукин вдруг замолчал, понимая, что сболтнул лишнее.

К счастью никто из окружающих, кроме настоятеля не заметил оговорку. Только игумен как-то странно на него покосился. Хотя, решил Семен Федорович, откуда ему знать о танках, которые появятся, только через тринадцать лет. Бог с ним с настоятелем, – подумал путешественник и продолжил разъяснять диспозицию, давая советы, как монахи должны поступать в той или иной ситуации. Жаль, что зять ничего Семену Федоровичу перед путешествием в прошлое, никаких подробностей об английском танке не сообщил.

Внимание отвлек шум работающего двигателя. Семен Федорович прекратил разговор, взял бинокль и взглянул туда, откуда доносился шум. Танк начал медленно двигаться в направлении ворот. По сторонам – два броневики. Иноки закопошились, а Щукин, словно завороченный не отрываясь, смотрел на происходящее.

Монахи поступили, как их учил путешественник. Когда танк оказался на доступном для поражения расстоянии, в него полетели гранаты. Прозвучало несколько взрывов. Застрекали на соседних крышах соборов пулеметы. Броневики ответили стрельбой. Несколько гранат, брошенных иноками, упали под гусеницы «англичанина», пара ударилась в башни. Вновь взрывы и танк запылал. Из открывшегося люка стали вылезать красноармейцы. Они спрыгнули и устремились в сторону школы. Отбежав несколько метров, служивые упали на землю. Раздался взрыв.

Броневики развернулись, видимо те, кто руководил операцией, не ожидали такого отпора, и направились на прежние позиции. Из башни выбрался командир и направился к школе. Там, нервно ходил молодой парень в кожанке. Неожиданно он остановился. Запустил в карман галифе руку и достал серебряный портсигар. Достал папироску и нервно закурил. Когда к нему подбежали командиры, он начал что-то быстро говорить. Выслушав товарищей, кинул окурок себе под ноги. Раздавил его, махнул рукой и вошел в двери школы.

– Что ж, – произнес Щукин, когда к нему подошел настоятель, – на сегодня бой закончен. Завтра появится артиллерия. – Тут он показал рукой в сторону уезжавшего автомобиля, – У нас в запасе день.

Лунный свет освещал двор монастыря. К вечеру похолодало. Щукин, озираясь по сторонам, пробирался к подземному ходу. Сегодня, после начала штурма, настоятель Михаил усилил охрану монастыря, привлек к этому почти пятьдесят послушников.

Если бы не миссия, которую возложил на плечи Семена Федоровича зять, тот, скорее всего, присоединился к монахам. Ему было любопытно узнать, как складываются дела у представителей власти. Можно конечно попытаться совершить вылазку, воспользовавшись подземным ходом, но сейчас было не до этого, и рисковать не хотелось.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского, – проговорил вслух Щукин, – да вот только сейчас этой «газировки» не хочется. Сейчас бы водочки или на худой конец коньяку.

Вход охраняли два монаха. Мимо них было не проскочить, оставалось только одно – совершить прыжок в прошлое, и уже потом, пройдя по туннелю, совершить скачок опять в этот день. Пришлось прибегнуть к единственной возможности. Минут через пять (для него),

Щукин был на другой стороне туннеля. Дотащил оставшиеся ящики до машины, погрузил. Еще раз взглянул на монастырь, раздумывая – вернуться сюда или нет. Махнул рукой, забрался в автомобиль и помчался к землянке.

После того, как последние ящики оказались в хранилище, привалил вход камнем. Разглядывая, вдруг решил было переместиться в свое время, даже достал из кармана МВ-1. Все же не выдержал и совершил скачок, но не в XXI век, а всего лишь на несколько лет вперед. Сделал он это только для того, чтобы убедиться, каким стало это место в будущем.

Убедившись, что все получилось, вернулся назад. Стоя и разглядывая камень, он вдруг подумал:

«А что если я и есть та самая причина, по которой монастырь и был подвержен осаде? Не будь меня, – неожиданно подумал Щукин, – то вполне возможно, что чекистам и не потребовался бы штурм. А даже если бы это произошло, то он не затянулся так долго».

Неужели он невольно стал участником исторических событий?

Вернулся Щукин в монастырь. Опять пришлось воспользоваться машиной времени, проскользнул в келью. Снял пиджак, бросил на кушетку и сел. Мысль о том, что он являлся виновником затянувшегося штурма, не покидала его. Он вытащил из кармана сигарету и закурил.

«Если бы не было меня, то не было вполне возможно и проклятия, которое прозвучит вскоре из уст настоятеля в отношении деда Заварзина», – между тем думал Семен Федорович.

Неожиданно он встал, подошел к окошку и вновь попытался выглянуть наружу.

– А ведь там дед моего зятя, – молвил он вслух. Хорошо, что его в это время никто не слышал.

Одиннадцатый день в прошлом.

Сегодня был его последний день пребывания в обители, да и в прошлом тоже. Миссия подходила к концу. Поэтому уже с самого утра Щукин был на монастырской колокольне. Он рассматривал в старенький армейский бинокль, милицмейские части.

Прямо с рассветом к пехоте подошли артиллерию и еще пару броневиков.

Начался обстрел крепости. Стало слышно, как бьются стекла в окнах. Вот-вот должен был появиться проем, через который отпущники ворвутся в обитель.

Неожиданно канонада закончилась. В образовавшийся проем устремились милиционеры, и тут же были остановлены пулеметным огнем.

Солдаты отступили. Попытались прорваться броневики. Их постигла участь английского танка. И тогда вновь заговорила артиллерия. Тут же были накрыты пулеметные гнезда и оба собора запылали. Небо наполнилось гарью, и Семен Федорович понял, что пора уходить. Но прежде, чем он успел осуществить задуманное, рядом с ним разорвался снаряд, осыпав его штукатуркой и осколками кирпича.

– Ну, все, – проворчал Семен Федорович, и начал спускаться с колокольни во двор обители, – Сейчас наступит время последней атаки.

Будучи незамеченным, он добрался до потайного входа. Монахов там уже не было, и Щукин скользнул в темный туннель. Медленно пошел по тайному ходу, потом побежал, споткнулся, упал. Что-то уронил. Убедился, что это не МВ-1, искать не стал. Встал, прошел еще немного, и, поняв, что до выхода несколько секунд усиленного бега, достал из кармана гранату.

Прошел еще немного и кинул ее в темноту, побежал. Раздался взрыв.

Через пару минут он уже ехал в сторону Рыбинска на «Руссо-Балте».

Федерал

Тот, кто управляет прошлым, управляет будущим. Тот, кто управляет настоящим, управляет прошлым.
Джордж Оруэлл

Интерлюдия – 1 Геннадий Заварзин.

Вся эта история началась с желания снять проклятия с моей семьи.

Но, стоит, наверное, для начала представиться – Геннадий Заварзин, руководитель одного из подразделений ФСБ. Это, пожалуй, и все, что я могу сообщить о себе, и не потому, что человек скромный, а скорее всего из-за того, что вся информация, связанная с моим отделом находится под грифом «Совершенно секретно».

Впрочем, главным персонажем всех этих приключений был не я, а сотрудники ФСБ.

С чего бы начать нашу историю? С появления в лабораториях спецслужб любопытного прибора или может быть причины, по которой все это закрутилось?

Скорее всего, с последнего, так как приборчик в нашей истории появился позже, уже как одна из составляющих сюжета.

И так начинам! А для этого придется углубиться в дебри истории моей семьи.

Причиной всему был мой дед – Михаил Федорович Заварзин.

Будучи пареньком, как сказали бы представители либеральной интеллигенции: совсем еще не смышленным, с головой задурманенной идеями мировой революции, равенства и братства, принимал участие в расстреле монахов одного из монастырей, что лежал в Молого-Шекснинской низине.

В те времена, участие в погроме обители и отречение от единой веры – не считалось чем-то таким уж предосудительным. Поступил приказ – выполняй. И шли такие молодые парни творить зло с песнями и...

Стоп! Нет, до плясок дело не доходило. Это уж потом «умные головы» приспособили полуразрушенные здания соборов под клубы и дискотеки, в те же времена, чтобы организовать досуг церкви все же не использовали. Достаточно было небольшого домика.

Именно в те годы и полетели первые колокола на землю, стали бесчисленно сжигаться святые книги да иконы.

Те, кто участвовал во всем этом, не верили ни в черта, ни в бога, а если что-то и боялись, то только на смертном одре раскаивались в своих преступлениях, надеясь, что всевышний их простит.

Вот и вышло, что Михаил Заварзин тот злопамятный день запомнил надолго. Да и как этому было не произойти, когда вся его (как теперь выяснилось и моя) последующая жизнь вокруг этой даты вертелась.

Август тысяча девятьсот двадцать седьмого года надолго вошел в летопись нашей семьи черным пятном.

Именно в тот год отборные части Рыбинского ОГПУ выступили в направлении Югской Дорофеевой пустыни, что находилась на правом берегу Волги, в трех верстах от реки, между

Рыбинском и Мологой. Не столь древняя, как многие другие, обитель стала широко известна только с конца XVIII века, когда на месте старой деревянной появилась новая каменная.

Задание для сотрудников ОГПУ было простым и казалось легко выполнимым. Достаточно было обитель закрыть, иноков разогнать, а все сокровища, что хранились за его стенами передать в государственное хранилище. Расчет не оправдался. Закрывшиеся за стенами обители монахи оказали осаждающим войскам сопротивление. Причем все это сделали по правилам военной науки. То, что должно было занять, ну, от силы день продлилось трое суток. На предложение руководителя отборных частей товарища Орлова сдаться, монахи ответили отказом.

Ключиком к воротам Югской Дорофеевой пустыни должен был стать английский трофейный танк, что состоял на воинском балансе одной из частей города Рыбинска. Каким образом это чудовище инженерной мысли оказалось у чекистов, я так в свое время у деда и не спросил. А может, стоило? Но, как бы, то не было, монахи танк атаковали и тот, вспыхнув, сгорел, словно сделан был из фанеры. Пришлось товарищу Орлову обратиться в местный военный округ за артиллерией. После небольшой канители, которые возникают между ведомствами две пушки (прадед так и не сообщил, что конкретно они собой представляли) были доставлены под стены обители.

Этого оказалось достаточно, чтобы, после небольшого штурма, монастырь пал. Ворвавшиеся на его территорию чекисты, обезумевшие от столь долгого сопротивления, в порыве гнева, сразу же уничтожили всю монастырскую братию. В живых оставили только двоих: отца Гермаген да архиепископ Михаила. Обоих отправили в Рыбинскую тюрьму.

Вошедшие в главный храм монастыря огпушники, не обнаружили никаких сокровищ. Попытки отыскать их на территории пустоши – были тщетны. Товарищ Орлов принял постановление (руководство требовало немедленного решения проблемы) – пытать монахов. Да вот только оба молчали и не желали ничего говорить.

Впрочем, сокровища Югской Дорофеевой пустыни не были самоцелью всей операции. Основная задача – закрыть обитель, а иноков разогнать, удалась. Оставшихся двоих монахов решением местного Реввоенсовета было приказано расстрелять.

Быть палачами выпало Михаилу Заварзину, да еще одному милиционеру, имени которого мой прадед не помнил. Руководил расстрелом товарищ Орлов.

Вывели они протоирея да монаха во двор тюрьмы.

Только мой прадед винтовочку решил перезарядить, как заговорил настоятель. Им бы стрелять, да не вести эти беседы, но товарищ Орлов остановил казнь и поинтересовался, что Михаил желает. Предполагал ведь огпушники, что тот, испугавшись приближающейся смерти, о ценностях монастырских расскажет.

А протоирей всего лишь с просьбой обратился.

– Как вас звать отроки? – поинтересовался монах.

– А тебе это зачем знать? – вопросом на вопрос спросил комиссар.

– Да хочу бога попросить, чтобы простил он вас, чада.

Комиссар да напарник прадеда лишь посмались, а Михаил Заварзин представился.

Не известно хотел Михаил действительно замолвить словечко перед богом или нет, но, услышав фамилию прадеда, тот сразу побледнел. На секунду даже товарищу Орлову показалось, что рухнет протоирей к ногам милиционеров без сознания. Да только архимандрит удержался и усмехнулся, отчего у прадеда по спине мурашки пробежали. Видимо Михаил переменил свое решение, раз пошел на такой грех.

– Проклинаю я вас – палачи! И род ваш до тринадцатого колена проклинаяю! – Проговорил и осенил себя крестным знамением.

Тут уж милиционеры не выдержали, дали залп. Оба монаха упали на землю. Орлов недовольно взглянул сначала на служивых, а потом на священников. Хотел было, что-то сказать, но в сердцах лишь рукой махнул. Приказал трупы земле прижать и ушел к себе в кабинет.

Не поспеши товарищ Орлов, и неизвестно, как бы сложилась их судьба. Телеграмма привезти монахов в столицу, пришла на следующий день. Кто-то из руководства Совнаркома хотел видеть священнослужителей в Москве.

Еще бы знать для чего?

За эту смерть, кроме проклятья, мой прадед ничего не получил. Если бы не та злополучная телеграмма вполне возможно висел бы на груди Мишки Заварзина какой-нибудь орден, или на худой конец медалька, но что сделано, то сделано. Тогда казалось, что историю уже не изменить.

Монах словно сглазил прадедушку. Отслужив десять лет, тот вдруг угодил в немилость. То ли сам по глупости ошибку совершил, то ли кто-то «помог», но вскоре он с десятком таких же заключенных, участвовал в строительстве Рыбинской плотины.

О прабабушке вспоминать не хочется, отреклась она от мужа. Сынишку, деда моего, передала в детский дом, где тот прожил до сорок первого года.

Война, разруха. Чужая фамилия. Кто теперь знает, как, но ему удалось попасть на службу в НКВД. Может все-то же проклятие? Что заставляло судьбу двигаться против течения, нарушая все законы жанра.

Лишь перед самой смертью Сталина в конце пятидесят второго года, узнал Сергей Михайлович Малышев (такую фамилию носили мы в те годы) о судьбе своего отца. Хотел, было, используя свои связи выпросить для него прощения у «Отца народов» да вот только ничего не успел, ну, а там после смерти тирана, Михаила Заварзина освободили. Поселили под Вологодой, с запретом посещения обеих столиц.

Вскоре запрет сняли. Но только прадед не желал из деревеньки уезжать, так в ней и прожил до эпохи застоя.

С сыном все же встретился. Полковник КГБ Малышев все же договорился с отцом о встрече. Тот долго не соглашался, но потом не вытерпел и прислал телеграмму с одним только словом – «Приезжай».

Они сидели за столом. Михаил Федорович долго просил прощения у сына, за то, что хоть и не по его вине, не смог воспитать единственного отпрыска. Сергей даже не заметил, как тот осушил, причем в одиночку, Малышев так и не притронулся к стакану, две бутылки водки.

Неожиданно старик заплакал. Умолял полковника привезти к нему внуков и не забывать его.

Вот с того дня и ездил Сергей Михайлович к своему отцу почти каждый год, в плоть до самой смерти Заварзина. Уговаривал того перебраться в Москву, но старик не соглашался.

– Мне и здесь хорошо.

Малышеву даже показалось, что тот стал верить в Бога. Словно Михаил Федорович пытался замолить свои грехи перед ним. Как-то в один из приездов и рассказал старый чекист о проклятье. Сергей Михайлович, тогда еще посмеялся. Не поверил, пока сам в конце восьмидесятых не слег.

Ни за чтобы не поверил, что мой дед – Сергей Михайлович Малышев вот так вот в одночасье заболеет. Исхудает, превратится в мумию и умрет. Врачи констатировали у него – рак.

Сидели мы с отцом перед кроватью деда. Тот плакал, то ли от боли, то ли от безысходности, и рассказывал историю нашей семьи. Поведал о прадеде, мне так и не удалось его увидеть, и о проклятье. Когда боль на секунду вдруг отступила, Сергей Михайлович схватил руку моего отца.

– Верни, если не себе, то хотя бы ему, – дед посмотрел на меня, – нашу фамилию – Заварзины.

Он хотел, что-то еще сказать, но не успел. Рука обмякла, ладонь отца выскользнула, и я понял, что дед – умер.

Отец выполнил просьбу умирающего.

Во время лихих девяностых, после того, как я поступил в Академию госбезопасности, отправился он на Кавказ. Ходил слух, что пытался внедриться в банду одного из известных террористов, но был разоблачен и вынужден бежать. Вернувшись, вдруг занемог. Никто и подумать не мог, что болезнь эта будет смертельной.

Тогда, то я и узнал, что отец мой составил завещания, в котором просил, чтобы его похоронили вместе с отцом и дедом, в одной из деревенок Вологодской области.

Вот тогда-то я и поклялся снять с нашей семьи проклятие.

Фортуна вновь улыбнулась мне.

Влюбился. Как дурак, влюбился. Встретил на улице и потерял голову. С неделю за ней ухаживал, а потом она предложила познакомить с ее папой. Если бы кто сказал, что так будет, не в жизнь не поверил.

Семен Федорович, так звали отца моей избранницы, оказался, как выяснилось через какое-то время человеком неординарным. Когда меня в первый раз увидел, обрадовался, а услышав, что в ФСБ служу, вдруг побледнел, словно перед ним черт стоял, и даже заикаться стал. Пришлось, прежде чем зятем стать, даже испытание пройти, складывалось такое ощущение, что не хотел он видеть меня в этой роли. Позже супруга мне рассказала, что отговаривал ее, чтобы она порвала наши отношения, но проиграл.

Была свадьба, а потом, года через два, у нас сын родился.

Вот сейчас рассказываю вам свою историю, а сам в окно смотрю на сынишку, что носится во дворе с ровесниками, да играет в «казаки-разбойники».

А между свадьбой и рождением сынишки, был один в какой-то мере неприятный момент.

Меня в тот год, попросили вести расследование одного ограбления. Дело конечно не для сотрудника ФСБ, а для милиции, да вот те почему-то ни в какую не могли выйти на след. Вор казался каким-то неуловимым.

Стоит отметить, что похождения «мазурика» начались этак лет двадцать назад, когда я еще под стол пешком ходил. Наводил шорох по музеям страны и на дно уходил. Произведения искусства, если и всплывали, четкого следа сотрудникам милиции не давали. Зацепят пару перекупщиков и упираются в тупик.

На преступника я вышел случайно. Если бы фортуна не улыбнулась, ходил бы, как и милиционеры по кругу. Вором оказался мой – тесть. Заставил (иного слова тут просто не подобрать) явиться с повинной.

Мне медаль, новое звание и секретный отдел, а ему срок (правда, условно) и работа в ФСБ консультантом.

Когда же наследник у меня родился, вспомнил рассказы деда с отцом.

«Э, нет, – думаю. – На мне ты злодейка судьба, должна прекратить свои пакости».

В лаборатории, что была при Лубянке, наткнулся на странный агрегат, под кодовым номером МВ-1. Такая небольшая коробочка, способная перемещать человека во времени. Пользуясь связями отца, сделал так, чтобы именно мне поручили работы в этой области. Тогда я еще не предполагал, что после успешной миссии меня назначат начальником нового отдела. Да и брал то, я прибор для своих нужд, хотел одно дело проверить.

Вот и настало объяснить вам мою бредовую идею. Заключалась она в том, чтобы совершить перемещение во времени. Целью было – возвращение сокровищ монастыря – церкви.

Конечно, лучше было бы предотвратить – штурм, но в этом случае история могла запросто измениться. И тогда неприятности с «Проклятьем» могут показаться пустяком.

Засел за материалы о событиях тысяча девятьсот двадцать седьмого года. Много чего откопал, хотел, было сам в прошлое рвануть, но тут возникли осложнения.

Не всякий может путешествовать во времени, даже с прибором!

Оставалось найти человека способного на это.

И я его нашел!

Им был мой тесть – Семен Федорович Шукин!

Пришлось уговаривать тестя. После долгой беседы он наконец-то согласился и совершил прыжок в прошлое.

Для него прошло несколько дней, а для меня всего лишь полчаса с того момента, когда он отправился в прошлое. Я даже с удочкой посидеть не успел, а ведь надеялся, что процедура пребывания в прошлом, для стороннего наблюдателя, то есть меня, продлится самое малое часа два-три.

Обидно. Даже снасти не успел из машины достать.

Он появился, неожиданно. Я оглядел Семена Федоровича с головы до ног.

Шукин сильно изменился. Во-первых, он сильно оброс: появилась небольшая бородка и усы. Во-вторых, был перепачкан грязью, а в-третьих, от него исходил запах пепелища.

Семен Федорович прокашлялся. То и понятно, атмосфера за последние семьдесят с лишним лет изменилась, причем не в лучшую сторону. Презрительно посмотрел на меня и произнес:

– Я выполнил твое поручение, Геннадий. Жаль тебе не понять каких физических и моральных усилий оно мне стоило. Мне сейчас кажется именно мы с тобой, а может быть только я один, и виновны в том, что монастырь в тот год штурмовали правительственные войска. Ты не думаешь, Геннадий, что если бы меня там не было, то все сложилось по-другому?

Прозвучало все официально. И где Семен Федорович, обычный мужик мог такого нахвататься? Неужели на старости лет решил стать философом? Не верю.

– Не думаю! – Парировал я. – Семен Федорович, неужели вы считаете, что монахи так свободно дали бы убить свою веру в Бога?

– Но, Геннадий?! – Вспыхнул мой тесть, – ведь в истории было столько событий, когда те же монахи, предпочитали пойти на уступки сильному, опасаясь за свою жизнь и за жизнь прихожан.

Нет – Шукина явно не разубедить. Видно и вправду крыша поехала? Неужели о тех событиях он узнал куда больше, чем было доступно обычному обывателю?

– Хорошо, Семен Федорович, – согласился в тот момент с неохотой я, – Так и быть... Будем считать, что вы правы.

– Не нужно! Не нужно, мне делать одолжений! – Перебил меня тесть. – Вы, хотели получить сокровища. Вы их и получите. А меня увольте... Все я – пас.

В тот момент я думал, что это первое и единственное путешествие Семена Федоровича в прошлое. Посвящать в причину, почему именно его мне пришлось уговаривать отправиться в прошлое, честно сказать, не хотелось. Меньше знает – крепче спит.

– Показывайте место, – сказал я, доставая карту района, – где вы все спрятали.

Семен Федорович выхватил из моих рук атлас. Минут пять, я даже занервничал, а что если он забыл, а еще чего хуже не рассчитал и поместил хранилище в затопленной зоне.

– Вот здесь, – молвил Шукин и ткнул указательным пальцем в точку на карте.

Я облегченно вздохнул. Пошехонье. Значит, он выполнил инструкции, как и договаривались.

– Точное нахождение ценностей монастыря, попытаюсь отыскать уже на месте, – добавил Щукин.

И все-таки нам пришлось повозиться, ведь столько лет прошло с момента их захоронения.

Удалось отыскать холм. С помощью внедорожника сдвинули камень. Удивительно, что за эти годы никто не додумался сделать этого раньше.

Я предложил Семену Федоровичу помочь мне вытащить ящики наружу, но тот категорически отказался.

– Кто знает, не проклял ли меня настоятель, – прошептал он.

Ну, и бог с ним. Один справился, вытащил все наружу. Погрузили в багажник и доставили в Москву.

Тестя не обманул, сдал (почти) все сокровища, найденные в ящиках, в патриархию. Сочинил, что случайно наткнулся на них, во время отдыха на Рыбинском водохранилище. В благодарность получил благословение. В моем случае этого было более чем достаточно.

Об этом событии растрезвонили в прессе. Конечно не о том, как и где, да еще и кем были сокровища обнаружены, а, по крайней мере, о том, что утраченные некогда реликвии вернулись в лоно православной церкви. Эко я загнул. Когда Семен Федорович об этом прочитал, он на меня с выпученными глазами смотрел. Не верил.

– Признаюсь, как на духу – не ожидал!

Даже обнял меня по-отцовски.

Эх, не догадывался Щукин, что не все, что было найдено в хранилище, вернулось церковникам. Должен признаться, что оставшиеся у меня вещишки – монастырю, по всем законам приключенческого жанра, принадлежать вообще не должны. Во-первых, небольшая книжечка в кожаном переплете, которую можно было бы принять за старинный фолиант. Я случайно, из любопытства ее открыл. Во-вторых, маленькая черная коробочка, наподобие той, что перед самой отправкой в прошлое я отдал Щукину.

Сразу же возник вопрос. Как машина времени, существовавшая в тот период в одном экземпляре, могла оказаться в прошлом, да еще среди вещей монахов?

Возникло предположение, что в монастыре находился еще один путешественник во времени. Но кто? Я полюбопытствовал у Семена Федоровича, не приметил ли он что-нибудь подозрительное в действиях монахов.

– Если не считать, что настоятеля можно принять за военного, – сказал мне тогда мой тестя, но это еще ничего не значило, священник мог быть обычным белым офицером.

Об обнаруженных предметах я вынужден был доложить вышестоящему начальству. За самостоятельность огреб, конечно, по полной программе, но раз уж проявил инициативу, пришлось расхлебывать кашу самому. В течение какого-то месяца было создано новое подразделение за контролем исторических событий. Состояло оно из двух групп. Первая отслеживала непонятные и нелогичные события, происходившие в прошлом. Вторая состояла из молодых людей обладавших определенными навыками.

Мне же пришлось засесть за изучение странного фолианта.

Первое, что бросилось в глаза, было то, что исписан он аккуратным почерком, без каких либо помарок. Складывалось такое ощущение, что автор его, пережив все описанные в нём события сел за стол и начал неспешно излагать все на бумаге.

В самом начале, автор выдал нравоучительную статью о теории времени и истории. Он явно давал понять, словно знал, что я буду ее читать, что история вещь субъективная. Довольно хрупкая вещь и к тому же непредсказуемая. Так же автор сообщал о существовании в ФСБ специального отдела по контролю над историческими событиями. Бывший сотрудник такого подразделения, сам невольно стал причиной этих трансформаций.

«Я видел миры, – писал автор, – в которых Россия раскинулась на всем Евразийском континенте. Видел мир, в котором ее – не было. Общался с государями, вождями и диктаторами. Руководил военными подразделениями и пытался держать под контролем все события влиявшие на известную нам историю».

К появлению его в Югской Дорофеевой пустыни привела причина, о которой я, и предположить не мог. У агента ФСБ – разрядился МВ-1. А найти способа – подзарядить тонкий механизм не удалось. Оставалось только одно, чтобы больше не влиять на историю, своим действием или бездействием, он был вынужден уйти в монастырь.

Самое странное – автор не оставил никакого упоминания своего имени. Кто он оставалось загадкой? Единственное, что теперь знаю, что не изучи я тогда книжку, неизвестно каким бы был мир сейчас.

Кроме того, что меня назначили руководить новым отделам, так ко всему прочему приказали отыскать и автора записок.

У меня был два пути. Первый отправить человека в одни из описываемых автором событий, что было проблематично, и второе отыскать его на ранней стадии, когда еще юнцом зеленым поступил в наше подразделение. А он, скорее всего это сделал, иначе передо мной в тот момент не лежала бы книга.

В течение года я отыскал нескольких способных молодых людей. Для их обучения мне вновь пришлось уговорить моего тестя помочь. Нехотя, но тот согласился, но при условии, что те будут простыми наблюдателями, в задание которых входило просто изучения истории, там на месте.

Нам тогда многое удалось выяснить. Подтвердилась одно предположение, что историю пишут победители. Особенно это было связано с известными мировыми битвами. Оказалось, что число иногда было завышено в несколько раз. Причем этим страдали и победители и побежденные.

Перелом же в работе нашего подразделения произошел, когда мне в руки попало дело некоего – Игоря Алексеевича Ермилова. Молодого человека лет восемнадцати. В то время он служил в одной из рот дивизии имени Дзержинского. Я даже вынужден был отправиться в воинскую часть, чтобы уговорить тамошних офицеров уступить его.

Причиной всему этому послужила странная записка, обнаруженная одним из моих сотрудников в государственном архиве. Почерк писавшего ее в конце семнадцатого века, был идентичен почерку молодого человека. Ситуация была почти такой же, как и с Семеном Федоровичем несколько лет назад. Тогда в хранилище я случайно наткнулся на старенькое кольцо, что было обнаружено в подземелье Югской Дорофеевой пустыни. Я узнал его, когда однажды заметил на пальце моего тестя. Ему конечно об этом не сказал, да и зачем? Особенно убедился в правильности своего решения, когда сравнил оригинал со снимком, что удалось сделать в архиве.

Щукин обнаружил пропажу уже после возвращения из прошлого. Можно было бы вернуть, но делать не стал. Если бы Семен Федорович знал, всю правду отношения между нами испортились бы окончательно, а так после того, как ему стало известно, что сокровища были возвращены церкви, он вновь пошел на мировую.

Но, вернемся к записке из прошлого. Я был вынужден выехать в часть, где каким-то чудом, скорее всего бумагой за подписью руководителя ФСБ, мне удалось вытащить парнишку. Игорек мне сразу понравился. Из него так и бил фонтан авантюризма. Только такой мог предотвратить подмену Петра Великого, а именно о государе Московском в том письме шла речь. Этот и глазом не моргнет и моментально среагирует в неадекватной ситуации.

Вот только без подготовки в бой бросать его не стоило. Времени для выполнения миссии у путешественников во времени предостаточно. Тут главное на подготовку побольше времени уделить. Отчего он и был отправлен в Академию ФСБ. По моему настоянию ему было выделено

больше занятий на освоение различных языков, в том числе и древних. Не знаю, как академики этого добились (гипнозом или методом Элоны Давыдовой), но уже через пару лет он свободно разговаривал.

Пара путешествий в прошлое с напарником (без этого нельзя было обойтись), и он уже готов был к выполнению миссии. Ленка Пантелеев, лагерь батьки Махно, Новочеркасск, где он вынужден быть простым наблюдателем. Причем в восставшем городе шестидесятых годов двадцатого века, он своим поведением не должен был вызвать подозрение ни у власти, ни у сторонников мятежа. Целью задания было собрать более правдоподобные сведения о событиях, чем те, что были в архивах спецслужб. Ведь, как известно, участники тех событий пытались их изобразить так, чтобы противоположная сторона была не в лучшем свете.

И вот тут снова стоит вернуться к старой книге, обнаруженной в монастыре. Можно конечно было бы скрыть некоторую информацию, но зачем? Первое свое путешествие в прошлое, которое было описано, было путешествие в XVII – XVIII век.

Мне предстояло решить отправлять ли Игоря Ермилова в прошлое или этого не делать? С одной стороны могла произойти подмена царя, а этого ни я, ни руководство ФСБ допустить просто не могли. Неизвестно, как бы сложилась история, а с другой стороны... С другой стороны, путешествие моего сотрудника могло затянуться надолго, и он запросто мог не вернуться в свое время.

Переговорив с вышестоящим начальником, решено было отправлять Игоря Алексеевича Ермилова в прошлое, а если что-то вдруг пойдет не так, спасти его в тот день, когда разрядилась МВ-1. Но сначала к предстоящим событиям стоило подготовиться.

В один прекрасный день я понял, что пора действовать. Игорь Ермилов был на все сто процентов готов к предстоящей миссии. Поэтому мне пришлось просто позвонить ему и пригласить на встречу.

Для получения задания подошли Чистые пруды.

Глава – 1. Подмена

2013 год. Москва.

Звонок от полковника Заварзина застал Игоря Ермилова за приятными хлопотами. Впервые ему выпала возможность отдохнуть от службы и съездить на курорт. Мечтал об этой несколько лет. Все возможности не было. Сначала служба и учеба в Академии ФСБ, потом путешествия в прошлое, где нет никаких шансов расслабиться. Неправильные действия – и о той реальности, что ты помнил, можешь забыть.

Уже и вещи упаковал в чемодан. Сейчас сидел в кресле и мысленно вспоминал, что мог просто забыть и не взять с собой на курорт. Конечно, можно забытую вещь и в Крыму купить, а если нет? Тогда что? Не лететь же обратно в Москву?

И в этот момент заиграл «Наша служба и опасна, и трудна» сотовый телефон. Надрывался, как резанный. Звонил полковник Заварзин, только на него у Ермилова на аппарате стояла такая мелодия. Игорь сначала подумал, что можно и проигнорировать, но переломил себя и взял трубку.

– Игорь, приезжай на Чистые Пруды.

Паренек хотел было полюбопытствовать, для чего он понадобился. Раз начальник звонил на сотовый, то разговор неофициальный. Когда Геннадий Заварзин так поступал, сотрудник всегда мог уточнить, но сегодня Игорек просто не успел. Полковник уточнил время встречи и тут же отключился.

– Вот тебе, бабушка, и юрьев день, – вздохнул Ермилов. Явно звонок не предвещал ничего хорошего. Он взглянул на часы и прошептал: – к десяти часам.

Позвони полковник, чуть позже, скажем через семь или восемь часов, и ни о какой встрече, тет-а-тет, да к тому же в центре Москвы и речи бы не было. Поезд к тому времени медленно, покачиваясь, отошел бы от перрона. Ермилов занял бы верхнюю полку, достал какой-нибудь научно-фантастический роман, главное, чтобы он не был связан с путешествиями во времени, и стал бы читать. А там, глядишь, и связь оказалась, как говорил оператор – вне зоны действия сети. Но, увы, Заварзин позвонил именно сейчас, и планы придется отложить, по крайней мере, на сутки. Даже если у полковника есть для него задание, сколько бы оно не продлилось в прошлом, Игорь всегда успеет вернуться назад в тот самый день, из которого отправился. Пришлось позвонить на вокзал и предупредить, что забронированное на Игоря Ермилова билет перенесли на послезавтра.

Ермилов на всякий случай запихнул чемодан с пляжными принадлежностями на антресоль и отправился в комнату, где лежа на кровати решил все хорошенечко обдумать. Обмозговать нужно по-любому, явно произошло что-то неординарное, раз полковник обратился к нему неофициально. Вопрос только, что? Не заметил, как уснул.

Проснулся от звонка будильника. Вскочил и бегом в ванную. Задержался на секунду у зеркала и обомлел, как давно он в него заглядывал. Все в делах – некогда, а взглянуть на себя стоило. Оброс, отчего и не скажешь, что ему всего-то двадцать пятый пошел. Вылитый старичок-лесовичок.

– Может, побриться, – проговорил Игорь, проводя по бороде рукой. Передумал: – а, ладно, и так сойдет. Как-никак, я не на службе. А в своем законном отпуске. И ехать собираюсь в Крым – дикарем. Так что пусть борода будет.

Окатился холодной водой. Затем на кухню. Заварил кофе. Нарезал бутербродов и кинул взгляд в сторону часов. Время еще достаточно, значит – успевает. Включил телевизор. Лучше бы Игорек этого не делал, только настроение испортил, а ведь оно, несмотря на вчерашний звонок – было отменное.

В сердцах хотел было плюнуть на пол, да вот только вовремя спохватился. Самому ведь придется пол мыть. Жениться с этой службой так Игорю и не удалось, хотя барышня, с которой он встречался, была.

Сделал еще несколько глотков бодрящего кофе, и тут же все эти ужасы телевизионные как рукой сняло. На душе хорошо стало, что Игорьку даже петь захотелось. Так и потянуло арию из какой-нибудь оперетты исполнить.

Да времени уже вот только нет. Игорек понял это, как только на часы взглянул. Бежать нужно, а до гаража еще пару кварталов топать. В коридоре, когда надел серый плащ, вдруг подумал, что неплохо бы табельное оружие дома оставить. Вернулся в комнату и положил «ТТ» в ящик старенького комода, доставшегося ему еще от бабушки.

И уже вскоре спешил в гараж.

До Чистых прудов Игорь не доехал совсем немного. Остановил свой старенький фورد у обочины. Решил до места встречи прогуляться пешочком. Да и погода к такой прогулке располагает. Хоть и была на дворе осень, но на удивление не по сезону теплая. Под ногами шуршали желтые и красные листья, пестрым ковром покрывавшие землю. Навстречу попадаются влюбленные пары, как тут не позавидовать. Старушка присев, на скамейку и прислонив к ней клюшку, кормила сизых голубей. Под кронами деревьев несколько старичков «забывали козла». Они размахивали руками и ругались, Игорь даже испугался, что те подерутся. Того и гляди, один другого клюкой огреет.

Что сказать – бархатный сезон.

Заварзина Ермилов увидел издали. Геннадий стоял у самой кромки пруда и кормил мягким белым хлебом уток. Птицы, привыкшие к человеку, в последнее время не хотели улетать на юг. На полковнике темно-синее пальто, клетчатая кепка, надвинутая на глаза. Вокруг шеи намотан белый шарф, на ногах лакированные штиблеты. Рядом стоял черный кожаный чемоданчик.

Полковник заметил Игоря, улыбнулся и приветливо махнул рукой. Паренек прибавил шаг. Когда подошел, поздоровался.

– Пойдем на лавочке посидим, – проговорил полковник, показывая рукой в сторону свободной скамейки, – в ногах, как говорится – правды нет.

Но уже стоя около лавочки – передумали. Холодно. Не дай бог, что-нибудь отморозишь. Так, прислонились к спинке. Полковник запихнул руку в карман и достал старенький серебряный портсигар, с выгравированной, почти во всю крышку, надписью – «За заслуги перед отечеством». Открыл его и протянул Игорю сигарету.

– Закуривай!

Паренек взял, но курить не стал. Поднес к носу и вдохнул аромат, исходивший от нее.

– Интересный сорт – «Герцеговина флор», – проговорил Ермилов, – таких сейчас и не купить.

– Из прошлого один из сотрудников по личной просьбе привез, – пояснил полковник. Затем, пока Игорь рылся в карманах в поисках зажигалки, поставил на спину скамейки чемоданчик. – А трубку когда-нибудь курил? – Спросил Геннадий, доставая из дипломата бумагу, вложенную в «файл».

– Баловался, – признался Игорь.

– Это хорошо, – загадочно проговорил полковник, протянул Ермилову листок, – читай.

Паренек от поисков зажигалки отказался. Сигарета тут же отказалась за ухом. Игорь взял документ. Грамота старая, кажется, вот-вот развалится.

– Читай, читай, – повторил Геннадий Осипович.

Оттого, что исписана она была мелким почерком, разобрать удалось не так уж и много. Плюс ко всему, часть текста по краям от времени просто превратилась в труху. Однозначно

документ старый, сделал вывод Гоша, вон и цифры в правом нижнем углу – «7207». Не иначе год, причем не от Рождества, а скорее всего, от сотворения мира. Писался не иначе во времена Петра Великого.

Автор сего загадочного послания, а стилистика больно уж на современную смахивала, отчего у Игоря возникла мысль, что это всего лишь подделка, утверждал, что во время путешествия московского монарха по Европе на того было совершена попытка покушения. Некто (тут нельзя было прочесть имя – огромное чернильное пятно) попытался посадить на престол государства Московского человека, желавшего вернуть меняющееся государство в прежнее русло – отсталости. Имя «дублера» так же было утрачено. Далее писарь сообщал, что ему как представителю (тут снова не возможно что-то было прочесть) удалось предотвратить измену. Далее указывалась, по всей видимости, дата преступления. К сожалению, цифры были размыты. Затем стоял год – 7202 от сотворения мира и подпись. Вот тут-то у Ермилова «кость в горле застряла».

– Это же моя подпись, – проговорил изумленный Игорь.

– А чему ты удивляешься? – молвил Заварзин, – Забыл, в каком подразделении служишь? Ермилов взглянул на полковника, а тот только улыбнулся и проговорил:

– Теперь понимаешь, зачем я тебя вызвал? – спросил Геннадий Осипович.

– Нет! – Честно признался Игорь. Он никак не мог понять, для чего полковник это сделал. Если тот хотел отправить его в прошлое, так мог бы спокойно сделать это после того, как он вернется из Крыма.

– Не думал, что у нас в ФСБ, – пошутил Заварзин, – такие тупые сотрудники.

Определить, шутит полковник или нет – сложно. Ермилов запросто обидеться мог. Он – человек с высшим образованием явно – не мог быть тупым.

– Чем так говорить, – молвил Игорь, – вы бы лучше, Геннадий Осипович, разъяснили.

– Ладно, – проговорил Заварзин. – Ты уж меня прости. Сразу нужно было тебя в курс дела вводить. Короче, так: дело тебе предстоит непростое. Подпись на документе твоя! Лично проверял. Отсюда вывод вытекает, что автор этого послания – ты. И писал сию бумагу, следовательно, в семь тысяч двести седьмом году от сотворения мира. Или, как принято говорить сейчас, в тысяча шестьсот девяносто восьмом году. – Полковник посмотрел на Ермилова. – Поэтому тебе придется отправиться в прошлое, чтобы предотвратить подмену Петра Великого. Ты же, Игорь, знаешь, что абы кого в прошлое не пошлешь. Не всякий имеет такую возможность. Сам бы в прошлое отправился, но, увы – не могу. Мне больше, кроме тебя в прошлое послать – некого. Правильно говорю?

– Правильно, товарищ полковник.

– Так вот, – продолжил Заварзин и кратко изложил предполагаемое задание. – Теперь тебе миссия ясна? Исход, судя по этой записке, – Геннадий Осипович взял у Игоря грамоту из рук, – тоже. – Положил ее в чемоданчик, – Вот только понимаешь, Игорь, – тут он сделал паузу, – существует одна загвоздка.

Ермилов удивленно взглянул на полковника. Он никак не мог понять, чего опасается офицер. Ведь Игорь не первый раз отправлялся в прошлое. Один раз его послали в пятнадцатый век, несколько раз в начало двадцатого. Конечно, в семнадцатом и восемнадцатом Ермилов ни разу не был, так ведь когда-то это должно было произойти. Неужели выпал шанс лично встретиться с Петром Великим?

«Так чего же полковник опасается? – думал Ермилов. – Боится, что с миссией не справлюсь? Так вроде все пройдет замечательно. Вон, и грамотка об успешном завершении операции есть. А может, полковник по-другому считает? Чего же он колеблется? Чего опасается? А может, Геннадий Осипович чего-то не договаривает?»

То, что Заварзин чего-то недоговаривал, Игорь не сомневался. Полковник сам по себе был человеком загадочным. Казалось, что он знал куда больше.

– Загвоздка, Игорь, – монотонно проговорил Геннадий Осипович, – в том, что я не уверен, сможешь ли ты вернуться назад – в родную эпоху. Я опасаясь, что вдруг все пойдет, не так гладко, как хочется. Миссию ты выполнишь. Грамоту напишешь, а те, кто пытался подменить Петра, решатся и убьют тебя.

Не будет этого, мысленно решил Ермилов. Не допустит. Попытается заговорщиков вместе с двойником уничтожить. Лес рубят – щепки летят. Если, конечно, зачинщиком переворота не окажется, допустим, Меншиков или Лефорт! Тут ситуация куда сложнее. Обе фигуры в истории отечества значимые.

– И к тому же, – продолжал Геннадий Осипович, – не забывай, что сейчас тебе впервые придется не просто контролировать события, но и их вершить. Шаг вправо, шаг влево – и бабочка будет раздавлена.

О так называемом «эффекте бабочки» Игорь читал. Неосторожное движение, и история пойдет совершенно иным путем, не известным никому.

– До этого, – говорил между тем Заварзин, – ты никогда ничего подобного не делал. Наблюдал и все. Сейчас же статус резко поменяется. Ты станешь – хозяином времени. Человеком, способным влиять на историю. Порождая своими действиями параллельные реальности.

Тут он закурил сигарету, и Ермилову пришлось последовать его примеру.

– И вот еще что, – сказал вдруг полковник, – сейчас нам мало что известно. Дата события уничтожена временем. Имена заговорщиков стерты. Боюсь, придется тебе прожить в конце семнадцатого века несколько лет...

– Несколько лет? – переспросил Игорь, понимая, что отпуск помахал ему ручкой.

– Несколько лет, – вздохнул Заварзин. – И еще, – тут Ермилову просто пришлось сосредоточиться, – у меня нет уверенности, что ты вернешься!

Существовал огромный риск, что путешественник в прошлое мог запросто погибнуть от шальной пули. По академии ходил слух, якобы существовала вероятность того, что прибор МВ-1 мог запросто сломаться. Ученый, что создал машину времени, не знал точного времени работы ее батарей без подзарядки.

– Так что вот, – продолжил между тем полковник, – бери этот дипломат. Езжай домой. Проштудируй литературу по той эпохе. Времени на посещение архивов у тебя сейчас нет! – К чему это Геннадий Осипович сказал, Ермилов так и не понял. (Разве что-то изменится, если он пороется в поисках информации там). Видимо, Заварзин сориентировался в недоумении подчиненного и добавил: – Бумаги выправлять долго. Раньше думал, успею, но когда сунулся, понял, что бюрократических препятствий больно много. Так что прибегни к рассекреченным материалам. А уж затем приступай к выполнению задания. Ты не должен допустить изменения истории. – Тут полковник оглядел Игоря и добавил: – Побрейся, а вот усы оставь!

Оставив «Форд» в гараже, Ермилов вернулся домой. Не раздеваясь, прошел в комнату и положил чемоданчик на стол. Затем на кухню, чтобы кофе заварить. В коридоре Игорь вдруг остановился и вновь задал себе все тот же вопрос:

– А почему именно я?

То, что задание ему придется выполнять, это и так понятно.

«Интересно, как этот эффект в научных кругах именуется? – подумал он, зажигая конфорку и ставя кофейник. – Хотя бог с ним, с этим названием. Вполне возможно – петля. Нечто наподобие петли Мебиуса, когда не знаешь, где у нее начало и где конец. Неужели точка отчета грамота? Я ее получил и должен отправиться в прошлое, чтобы в конце всех своих приключений написать, только лишь затем... Бесконечный круг. Одно ясно точно: этой грамоты в тысяча шестьсот девяносто седьмом еще не было».

Но бог с ней – грамотой. Ермилова интересовало другое, почему именно он, а не Петров, Иванов, Сидоров или даже Смирнов? Отчего именно ему суждено было попасть в эту времен-

ную петлю? Что в нем такого особенного? Дар путешествий во времени есть, по крайней мере, у десятерых, среди которых был даже тесть Заварзина. Он пару раз приходил к студентам и рассказывал о первой операции спецслужбы. Именно в ней Щукину и выпала честь участвовать.

А Игорь, кто он такой? Обычный лейтенант, каких в стране тысячи. Какие у него достижения? Несколько «командировок» в прошлое, а тут такая миссия, да еще и без подготовки. На все про все всего несколько дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.